

Ольга Лазорева

Чернослив в шоколаде

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=571725
Чернослив в шоколаде: Эксмо, Яуза; М.: 2008
ISBN 978-5-699-28492-4

Аннотация

Гадалки, экстрасенсы, знахари – неперенный компонент современной жизни. И многие обращаются к ним в трудные моменты. Подавляющая часть клиентов нетрадиционных целителей – женщины, так как по природе своей они более эмоциональны, доверчивы и внушаемы, чем мужчины. Вот и Ольга Лазорева, в очередной раз переживая любовную драму и решая свои внутренние проблемы, общается вначале с гадалкой, а затем с настоящим сибирским знахарем. Вместе с героиней читатель узнает, что знахарь – это не только тот, кто лечит травами, а тот, кто знает, КАК ЖИТЬ, чтобы НЕ БОЛЕТЬ. И автор делится с нами его секретами.

Содержание

Часть первая	4
В записную книжку	11
В записную книжку	30
В записную книжку	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ольга Лазорева

Чернослив в шоколаде

Часть первая

– Ты смотрела вчера очередную серию «Блондинки в шоколаде»?! – спросила у меня Ириска, как только вошла ко мне в квартиру. – И как тебе? – округлила она свои и без того круглые голубые глаза.

– Я же не сказала, что видела сей шедевр, – улыбнулась я. – И потом, как только я поняла, что Ксения Собчак – очень смешная девушка, так мне сразу стало неинтересно это смотреть, честно.

– Смешная? – неподдельно удивилась Ириска, скидывая красные туфли на высоких каблуках и поправляя растрепавшиеся пепельные волосы возле зеркала. – Вообще-то, во всех глянцевых журналах ее величают не иначе как гламурной, светской, сексапильной, стильной и так далее, по списку.

– Бог мой, Ириска! Ты как вчера из яйца вылупилась! Это же система пиара, разработанная специалистами и тщательно исполняемая. Ты-то должна понимать всю подоплеку таких статей! Ты же не из глухой деревни, где свято верят всему, что говорят и показывают по ящику. Я уж не говорю о глянце, если, конечно, он попадет в такую деревню.

Ириска, а на самом деле Ира, с удивлением на меня посмотрела и села за стол на кухне. Я насыпала зеленый чай в заварочный чайник, налила горячую воду и устроилась напротив нее.

– А чего ты такая взъерошенная? – поинтересовалась она. – Ну смешной она тебе кажется, эта пустышка Собчак, и что?

Ириска улыбнулась и начала деловито разрезать шоколадный вафельный торт, который она принесла с собой. Я задумчиво посмотрела на ее тонкие пальцы с ярко-розовыми ноготками, перевела взгляд на нежное лицо с прозрачными голубыми глазами и розовым румянцем и тоже начала улыбаться. Ириска выглядела с каждым днем все лучше. Ей было 38 лет. Год назад она весила на 12 килограмм больше, была обычной домохозяйкой, которая в принципе махнула на себя рукой и все свое время и силы отдавала любимым, дочери Зое и мужу Левушке. Но обнаружив случайно в компьютере мужа файл с обнаженными красотками, она внезапно осознала, что уже не так привлекательна, как раньше. И мгновенно начала действовать. Перепробовав множество диет, Ириска остановилась на самом простом способе – стала меньше есть и больше двигаться. И решила выйти на работу, к большому неудовольствию Левы.

– Да, извини, – ответила я, – просто настроение не очень. К тому же раздражает вся эта бесконечная сахарная вата, которой нас кормят с экранов телевизоров и страниц глянца.

– Это да, – согласилась Ириска и сделала глоток чая. – И все это не имеет никакого отношения к реальной жизни. Но в принципе нам никто не мешает выключить телевизор, сами же без него жить не можем.

– Тут ты права, – сказала я и встала. – Ладно, пойду соберусь, а то неудобно задерживаться. Мы обещали приехать к пяти, да?

Ириска молча кивнула и посмотрела на меня задумчиво.

Я пошла в комнату и после кратких колебаний надела строгий брючный костюм цвета кофе с молоком. Август в Москве был прохладным и довольно сырым. Но мне такая погода нравилась больше, чем обычная в последнее время сильная жара. Я слегка подкрасила глаза и тщательно расчесала короткие волосы. Мне показалось, что в этот раз я их чересчур выбе-

лила. Золотисто-ореховый тон мне шел намного больше. Вздыхнув, я взяла сумочку и вернулась на кухню.

– Готова? – удивилась Ириска. – Быстро ты!

– А чего долго копаться? – усмехнулась я. – Да и для кого мне сейчас красоту наводить?

– Вот вам и здравствуйте! – ответила Ириска с явным возмущением. – Прежде всего для себя, самой любимой и самой красивой. Оля! Не нравится мне твое настроение! Мы, твои подруги, прекрасно понимаем, в чем дело!

Она встала и начала деловито мыть чашки, затем вытерла стол. Я не выдержала и рассмеялась. Ириска недоуменно на меня посмотрела и сняла полотенце с вешалки.

– Чего скалишься-то? – беззлобно поинтересовалась она.

– Смешно, что ты вечно у всех посуду моешь, – ответила я и пошла в коридор.

– Ах, ты про это! – сказала она, идя следом. – И не говори, привычка дурацкая! Но не отвиливай от разговора! Мы, твои подруги...

– Ирис! Я все отлично знаю, – перебила я ее, – и, поверь, ценю это. Но Злата сейчас занята семейными делами. А Ленке и вовсе не до меня! Это у тебя двухнедельный отпуск... на мою голову. Ты что, прорабатывать меня всю дорогу собираешься?

Лена, одна из наших подруг, наконец-то стала мамой. И это в почти критическом для такого события возрасте 34 лет. К тому же у нее родилась двойня – мальчик и девочка. Но так как Лена занимала пост генерального директора рекламного агентства и была буквально помешана на своей работе, то раньше родить у нее времени просто не нашлось. И мы сейчас собирались ехать к ней в частную клинику, где она находилась. Злата, наша четвертая подруга, не смогла к нам присоединиться. Как раз сегодня ее сын переезжал в Люберцы. И Злата решила лично руководить процессом. Ей в январе исполнилось 50, но трудно было даже предположить об этом, глядя на нее. Злата писала стихи, работала в охране, никогда не унывала, ко всему и всем относилась снисходительно, постоянно увлекалась какими-нибудь новыми диетами или весьма сомнительными методами оздоровления. И несмотря на это, ухитрялась отлично выглядеть.

– Значит, так, Оля, – сурово продолжила Ириска, надевая туфли и поправляя прическу перед зеркалом в коридоре, – мы, твои подруги, очень обеспокоены твоей непроходящей депрессией. Надо что-то с этим делать! Так же нельзя!

– Ага, – усмехнулась я, – смотреть «Блондинку в шоколаде»! Это ты мне хочешь посоветовать?

– А что? – тут же воодушевилась Ириска. – Тем более, как ты сама недавно заявила, Собчак тебе кажется очень смешной девушкой. Так что вместо комедии...

– Ладно, Ириска, успокойся уже. И пошли!

Мы вышли из квартиры и начали спускаться. Ириска молчала, пока мы находились в подъезде, но как только мы вышли на улицу, она подхватила меня под руку, прижалась и быстро заговорила:

– Взять хоть нашу неунывающую Златку! Не думаю, что так уж все у нее суперовски всегда было, как она нам говорит. Одинокая 50-летняя баба, получает в охране копейки, дружок Костик, сама знаешь, музыкант, хоть и работает инспектором оркестра, все равно творческая личность, к тому же пьющий, так что тоже не сахар. Правда, сын у Златки очень хороший. К тому же сейчас от нее переедет, все легче, а то взрослый парень.

– Не пойму, к чему ты клонишь, – заметила я, увидев, что Ириска замолчала и внимательно изучает идущую впереди девушку.

На той были очень короткие голубые джинсовые шорты, плотно обтягивающие ее маленькую аккуратную задницу, яркая красная футболка, тоже в «облипочку», и туфли на высоченных каблуках. Светлые длинные волосы развевались на ветерке, маленькая джинсо-

вая сумочка на длинном ремне болталась на плече. Девушка шла быстро, но при этом ухитрялась вилять бедрами, словно она была на подиуме, а не на обычной улице.

– Я к тому, – после паузы, во время которой Ириска не сводила глаз с девушки, – что тебе надо пример с нашей Златки брать и постараться научиться на все и всегда смотреть с оптимистичной точки зрения. Понимаешь?

– Ладно, – хмуро ответила я, – но...

– Девушка! – вдруг громко позвала Ириска и, к моему искреннему изумлению, ринулась вперед.

Я ускорила шаг, начиная улыбаться. Ириска всегда была крайне непредсказуема.

– Вы мне? – спросила девушка, поворачиваясь и глядя на нас с легким раздражением.

Ее лицо оказалось милым, с большими серыми глазами, тонким румянцем и приятной улыбкой. Только пирсинг на левом крыле ее вздернутого носика показался мне неуместным, словно это была крупная блестящая бородавка. Ее лицо это не украшало.

– Знаете, – понизила голос Ириска и зачем-то оглянулась по сторонам, – вы, видимо, прошли по луже и ваши ноги снизу забрызганы грязью.

– Ой! – покраснела девушка, поворачивая голову и пытаясь разглядеть свои икры. – Спасибо вам огромное! А я и не заметила! Спасибо еще раз!

– Да не за что! – улыбнулась Ириска, раскрыла сумочку и протянула девушке салфетку. – Ну, мы пошли!

Она схватила меня за руку и устремилась к метро.

– Вот тебе дело есть до всего! – заметила я. – Пусть бы шла грязная. А я думала, что ты сейчас выскажешься по поводу ее немыслимо коротких шорт.

– Да что я, с ума сошла, по-твоему? – усмехнулась она. – Но ты, Оля, не права! Почему бы не помочь ближнему? И это все твоя депрессия. Но девушка симпатичная оказалась. Да?

– Да мне-то что до симпатичных девушек? – раздраженно сказала я и вошла в вестибюль метро.

Ириска двинулась за мной, потом вдруг остановилась и схватила меня за руку. Я резко затормозила и обернулась.

– Оля, что хочу сказать, – начала она, – вот я когда вижу таких симпатичных девушек, а ведь ей лет 20, не больше, то понимаю, насколько ты этой весной приняла правильное решение. Поэтому долой уныние! Ты все сделала идеально, умничка! Молодые парни должны встречаться с ровесницами, а не со взрослыми дамами. Хотя встречаться-то они, конечно, могут и со взрослыми, но вот любить с такой разницей это чревато! А у вас с Никиткой было все чересчур серьезно, любовь практически. Но ты вовремя все закончила, все прошло. Так зачем сейчас столько грустить?

– Ты права, – тихо ответила я, стараясь сдержать невольные слезы. – И я уже почти в норме. Так что вы все зря волнуетесь.

– Вот и хорошо! А волнуемся мы, потому что любим тебя.

Я улыбнулась ей и пошла к эскалаторам. Мы спустились вниз в молчании. Я думала о словах Ириски, вспоминая Никиту, и в душе соглашалась с ее словами.

Прошлой весной, тогда мне было 40 лет, я случайно на даче у Ириски познакомилась с ее соседом, 18-летним Никитой. И случилось так, что между нами вспыхнули чувства. И все, в общем-то, развивалось по стандартной схеме отношений между мужчиной и женщиной – мы и ссорились, и расставались на какое-то время, и жили вместе. Я даже познакомила Никиту со своими дочками – Катей, 21 года, и Варей, 19 лет, – и они, к моему удивлению, быстро нашли общий язык. Но этой весной все подошло к логическому завершению. Сочетание 40 и 18 оказалось немыслимым, возникли такие сложности, которые решать лично мне было не под силу. И я приняла решение расстаться, причем сделала так, что Никита сам ушел от меня. Он, видимо, в силу возраста был необычайно ревнивым, и я не нашла ничего

лучшего, как изобразить, что решила возобновить отношения с бывшим мужчиной, причем моим ровесником. Никита ушел, и больше я о нем ничего не слышала. Но забыть все еще не могла.

– Как думаешь, – услышала я голос Ириски и повернула к ней голову, – что нам Ленке купить? Может, фрукты какие-нибудь?

В этот момент остановился поезд, и мы быстро зашли внутрь.

– Она же сказала по телефону, что не нужно ничего, – ответила я, когда мы заняли свободные места в уголке. – И потом, какие фрукты кормящей матери?! Ты что? Ей же сейчас ничего такого нельзя.

– Ты уверена, что Лена захочет быть кормящей матерью? – скептически заметила Ириска. – Она, по-моему, спит и видит, как скорее вернуться на работу. А деток мамочке подкинет. Ее родители без ума, что у них, наконец, внуки появились. К тому же сразу мальчик и девочка. Их даже не смущает, что их обожаемая доченька не замужем.

– А кого это в наше время может смущать? – заметила я и пожала плечами. – И разве законный брак – гарантия счастья?

– Ты последнее время настроена философски, – после паузы заметила Ириска и стала сосредоточенно копаться в сумочке.

Я понаблюдала за ней минут пять и начала улыбаться. Ириска шумно вздохнула, цепко глянула на севшего напротив нас подтянутого загорелого мужчину средних лет, явно принадлежавшего к «белым воротничкам», потом повернулась ко мне и довольно агрессивно поинтересовалась, чего я улыбаюсь.

– Да читала как-то в Интернете статью о женщинах, довольно забавную, – ответила я. – И там отдельно о наших сумочках.

– Ну-ну, – заинтересовалась она и придвинулась ко мне.

– Взаимоотношение женщины и ее сумочки можно свести всего к трем вопросам, – продолжила я, улыбаясь все шире. – «Что это такое?», «Откуда тут это взялось?» и «Куда это задевалось?».

Ириска засмеялась, пробормотала: «Так оно и есть!» – и глянула на мужчину. Он смотрел на нас, уголки его губ приподнимала неприметная улыбка.

– Симпатичный, – заметила Ириска мне на ухо. – И на тебя смотрит.

– А может, на тебя, – отмахнулась я.

Но тут мужчина встал и вышел.

– А мы на следующей, – разочарованно сказала Ириска, провожая его взглядом.

– Успокойся, – заметила я. – А то ты готова меня сватать прямо в метро или на улице. Так и вижу, что ты мечтаешь скорее найти какого-нибудь жениха для меня!

– А что в этом плохого? – удивилась она. – Я ж твоя подруга! И не могу смотреть, как ты чахнешь в депрессии!

Когда мы приехали в клинику, то сразу увидели Лену. Она сидела на скамейке в сквере под раскидистым старым кленом, изучала какие-то распечатки и меланхолично покачивала широкую коляску. Лена родила две недели назад, но по ней этого видно не было. Ее красивое матовое лицо с выразительными карими глазами выглядело свежим и отдохнувшим. Золотисто-рыжеватые волосы были забраны в аккуратный узел и заколоты изящной золотой шпилькой с красным эмалевым цветком. Кораллового цвета пиджак, светлые брюки, бронзовые туфельки на каблучке, шелковая темно-красная блузка – перед нами была все та же деловая женщина, которая к тому же чрезвычайно внимательно изучала какие-то бумаги. Ириска толкнула меня локтем и, понизив голос, сказала:

– Ты только глянь на нашу Ленку! Да она, видать, уже работает! Ну и дела! А ты – «кормящая мать»! Сомневаюсь!

Лена в этот момент, к нашему изумлению, достала из сумочки телефон и четко проговорила:

– Да, слушаю.

Мы замерли в нескольких шагах от скамейки. Лена пока нас не заметила.

– Я же сказала, – после небольшой паузы строго продолжила она, – завтра в 11 утра в офис приезжает клиент, смотрит шоурилы, тритменты (шоурилы – режиссерское портфолио, тритменты – режиссерская раскадровка рекламного ролика) и сметы. И завтра же он выберет режиссера. И что непонятно?!

В этот момент из коляски раздался плач, Лена закрыла телефон и наклонилась к детям. Она что-то начала тихо говорить, покачивая коляску. Потом подняла голову и тут только заметила нас.

– Девчонки! – обрадовалась она. – Как вы кстати! Покачайте малышей, а то эта лентяйка медсестра куда-то запропала. А мне нужно по телефону договорить.

– Нет, и как вам это нравится? – возмутилась Ириска, подходя к Лене и целуя ее. – Ты даже не поздоровалась и сразу заставляешь нас на тебя работать!

– Утром по телефону и с тобой и с Оленькой здоровалась, – отмахнулась Лена. – Сколько можно?

– Ах, вы какие сладенькие, – не слушая ее, засюсюкала Ириска, склоняясь к коляске, – ах, вы какие холесенькие! Но не похожи совсем между собой, – заметила она, выпрямляясь.

Но Лена уже отошла в сторону и что-то быстро говорила по телефону.

– Они же разнаяйцевые, – сказала я. – Ленка говорила об этом. Поэтому и не похожи.

– Ну да, – закивала Ириска и начала ритмично покачивать коляску. – Но какие прелестные детки! Прямо задумаешься. А то у меня только Зойка. И чего второго не родила?

– Вот-вот, задумайся, – ответила я и улыбнулась. – А то твоя неумная энергия давно требует применения!

– Что ты, Оль! – отмахнулась Ириска. – Это в 38-то?! Поздно мне!

В этот момент к нам подошла медсестра, миловидная девушка лет 25. Она робко посмотрела на Лену и слегка покраснела.

– И где вы так долго гуляете? – строго спросила Лена. – Увозите детей ко мне. Я скоро!

– Да, Елена Анатольевна, – закивала медсестра и покатила коляску по направлению к корпусу, напоминающему престижный современный коттедж.

А мы уселись на скамью. Лена задумчиво посмотрела на меня, потом перевела взгляд на Ириску. Видно было, что ее мысли витают где-то далеко.

– Как ты себя чувствуешь? – нарушила молчание Ириска. – Выглядишь просто отлично. Домой когда выпишут?

– А? – вернулась с облаков на землю Лена и повернула ко мне лицо.

– Чувствуешь себя как? – засмеялась я.

– Да лучше не бывает! – с легким раздражением заметила она и откинулась на спинку скамьи, положив ногу на ногу. – А все пугали, что в моем возрасте тяжело выносить, родить и т. д. И что? Все прошло на ура!

– Так тебе же кесарево делали, – заметила Ириска. – К тому же клиника частная и немисливо дорогая наверняка. Совсем другой уход. Ты вон тут, как на курорте, смотрю.

– А зачем еще зарабатывать деньги? – усмехнулась Лена. – Зато качество жизни совершенно другого уровня. А вы меня все пилили, зачем я столько работаю. Зато сейчас могу позволить себе рожать в нормальных условиях. И никакой мужчина мне не нужен.

– А вот это неправильно! – возмутилась Ириска и, как она думала, незаметно толкнула Лену локтем в бок. – Мужчина нужен в любом случае, потому что любой семье и любому дому нужен хозяин.

Лена мельком глянула на покрасневшее лицо Ириски, заулыбалась и повернула голову ко мне.

– А ведь Ириска правду говорит, – сказала она, глядя мне в глаза. – Мужчина нужен. Но достойный, а не какой-нибудь юноша, который ничего ни в жизни, ни в женщинах пока не понимает. Да?

– Да, – сухо ответила я и встала.

– Ты куда это? – удивилась Ириска.

– Что, уже и в туалет нельзя сходить, чтобы тебе не доложиться? – спросила я.

– Иди в мой корпус, там по коридору увидишь на первом этаже, – мягко проговорила Лена и улыбнулась.

Я быстро направилась по дорожке, вдоль которой пестрели аккуратные клумбы с узорами из цветов. Мне захотелось отчего-то побыть одной. Настроение резко упало. Я прекрасно понимала, что подруги заботятся прежде всего обо мне. Но ощущать на себе постоянное давление Ириски становилось уже неважно. Она всегда считала, что знает лучше меня, что мне на самом деле нужно, и тщательно внедряла это в мое сознание. А так как она не только работала менеджером в компании, торгующей сицилийским вином, но еще и подрабатывала в медицинской фирме, основанной на принципе сетевого маркетинга, то курсы психологии, а также профессиональные методы убеждения клиентов пошли ей явно на пользу. Мне иногда казалось, что Ириска настолько поднатрела во всем этом, что может убедить кого угодно и в чем угодно за считанные минуты. Она совершенно беззастенчиво пользовалась методами манипулирования, если у нее возникала потребность заставить кого-нибудь делать то, что нужно ей.

Манипуляция – это психологическое воздействие. К ней прибегают тогда, когда хотят использовать человека в своих целях, заставить его делать что-то помимо воли. Но фокус в том, что человек даже не подозревает, что им манипулируют. Простой пример: жена говорит мужу, что хочет поехать к родителям на пару дней. Ему эта идея не нравится. Но если он напрямую скажет, что не хочет, чтобы она уезжала, то нужного результата не получит. Тогда муж говорит следующее: «Конечно, дорогая, тебе необходимо съездить, отдохнуть от всего, родителей проведать. Да и я отдохну тут. Ребят приглашу, пива выпьем, футбол посмотрим». Жене это уже не нравится. Муж продолжает: «Хорошо холостяком побыть хоть пару дней, молодость вспомнить! Давно пора выпустить пары». Этого оказывается достаточно, и жена решает остаться дома.

Способы тайного управления человеком широко и публично, как правило, не освещались. Но манипуляция как применялась раньше, так и продолжает применяться по сей день практически во всех видах общения. Взять, к примеру, межличностные контакты. Даже если люди только сейчас встретились, они сразу же начинают подстраиваться друг под друга, приступают к выработке текущих правил. И на это нужно время. Но манипулятор умеет мгновенно втереться в доверие при помощи несложных приемов. Один из них – отзеркаливание. То есть вас попросту «зеркалят», повторяя ваши движения, позы, жесты и даже ритм дыхания. Кроме этого к вам присоединяются по эмоциональному состоянию, то есть если вы опечалены чем-то, то манипулятор печалится вместе с вами. Затем он начинает употреблять слово «мы» или «мы с тобой», а не «ты и я», что мгновенно вас сближает и объединяет. За очень короткий срок вы вдруг осознаете, что этот человек вам необычайно близок, не понимая причины этого. И когда вам говорят примерно следующее: «Я сразу понял (а), что мы

предназначены друг другу, что это судьба, потому что я чувствую странную близость, словно знаю тебя много лет», – вы безоговорочно верите, что так все и есть, что именно этот человек предназначен вам.

Манипуляция может совершаться открытой игрой на слабостях другого, например секс, чувство собственности, враждебное отношение к непохожим на нас (него), жажда денег, славы, роскоши и так далее. Как правило, манипуляторы эксплуатируют влечения, которые действуют безотказно: потребность в безопасности, в пище, в любви. Пример: муж собирается пойти вечером на футбол с друзьями. Жена категорически против. Но она отлично знает, что если скажет мужу об этом открыто, то он даже слушать ее не станет. Тогда она надевает сексуальное белье и начинает дефилировать перед ним с томным видом. Ее позы, взгляды, улыбки говорят о том, что она очень хочет немедленно заняться сексом, хотя на самом деле она этого желания не испытывает. Ее цель – не пускать его на футбол. Муж ведется на эту игру, прекращает собираться и затаскивает ее в спальню.

Часто манипулятор играет с информацией. Во-первых, искажает ее, преподнося нам в нужном для него ключе. Он может что-то утаить или вообще откровенно солгать. Во-вторых, сам способ подачи. Нагромождение второстепенных фактов, перескакивание с одной темы на другую приводят к перегрузке внимания слушающего, и манипуляция становится удачной. В-третьих, момент подачи информации. Самый известный прием – говорить что-то важное в тот момент, когда у вас решается какая-то неотложная проблема и вы готовы согласиться на все, только бы вас оставили в покое.

В любых отношениях существуют уровни. Один из излюбленных приемов манипулятора – сбить их. Это делается просто: он ставит себя или выше, или ниже объекта. Наглядный пример: разговор отца и сына. Отец хочет, чтобы сын чего-то не делал. Но у него или нет времени на убеждение сына, или отсутствуют достаточно обоснованные аргументы. Тогда он интуитивно прибегает к манипуляции, сбивая уровни общения. Отец говорит: «Я тебя старше, так что лучше знаю». То есть он ставит себя выше, чтобы добиться желаемого. Или другой пример. Два сотрудника в офисе. Одному очень не хочется делать определенную работу. Он решает заставить своего коллегу сделать это за него. Но если он в лоб попросит, то получит, несомненно, отказ. И он манипулирует следующим образом: «Знаешь, ты такой опытный, такой умный, ты не можешь помочь мне вот с этим? А то у меня ничего не получается, как я ни стараюсь. Или это я такой тупой? Даже и не знаю, в чем дело!» И польщенный коллега не в силах отказать ему. То есть в этом случае манипулятор опускает себя на уровень ниже. Равные партнеры оказываются на разных ступенях. И один делает работу другого.

В записную книжку

Манипуляция – это действия, направленные на «прибирание к рукам» другого человека, производимые настолько искусно, что у того создается впечатление, будто он самостоятельно управляет своим поведением. Научитесь отслеживать эти действия и не позволяйте манипулировать собой.

Я не стала заходить в здание, а обогнула его, решив прогуляться по дорожкам сквера и немного успокоиться. Сама не понимала, почему так начала нервничать от вроде бы невинного разговора. Но что уж тут душой кривить? Конечно, Никиту я пока еще не забыла, слишком сильное чувство я к нему испытывала, и так просто от этого избавиться было нельзя, хотя мы и расстались несколько месяцев назад. И в то же время я понимала, что поступила правильно, решив оборвать с ним связь. Я зашла за корпус, увидела скамейку под кустами сирени и быстро направилась туда. Но как только уселась, из-за кустов показалась девушка лет 14 на вид. Ее голова была опущена, заплаканное лицо почти наполовину прикрывали длинные неровные на вид черные пряди, худенькие ножки обтягивали узкие черные джинсы, белые кеды были почему-то с розовыми шнурками. На розовой футболке с длинными рукавами чернело разорванное пополам сердце. Девушка стянула с плеча сумку на широком длинном ремне и бросила ее на скамью. Я заметила, что она была усеяна множеством значков. Не глядя на меня, девушка села на край скамьи и тихо заплакала. Ее ногти были выкрашены черным лаком. Минут через пять я стала испытывать смущение. Мне хотелось уйти, и в то же время было как-то невежливо не поинтересоваться, что случилось. Девушка подняла лицо и уставилась неподвижным взглядом на клен, росший напротив скамьи. По ее щекам безостановочно текли слезы. Я заметила пирсинг под нижней губой и на левой брови.

– Послушай, – осторожно начала я, придвигаясь к ней, – что бы это ни было, не стоит так расстраиваться.

Девушка повернула ко мне голову и словно впервые меня заметила. Ее светло-голубые глаза расширились, дрожащие губы приоткрылись. Я достала из кармана салфетку и протянула ей.

– У тебя тушь размазалась, – мягко проговорила я.

– Он пытался покончить с собой, траванулся какими-то «колесами», – после паузы тихо сказала девушка. – Он написал, что не верит в любовь, что любви нет. Но ведь я так сильно люблю его! Но он не поверил и решил оборвать все одним разом.

– Ужасно, – пробормотала я и погладила ее холодные дрожащие пальчики. – Он остался жив?

Она молча кивнула и опустила голову. Но плакать перестала.

– И это главное! – более уверенно произнесла я. – Не думаю, что он захочет повторить это. А тебе нужно сейчас все время быть с ним.

– Он гонит меня, – прошептала она и всхлипнула.

– Ну, это пока, – ответила я. – Все образуется, вот увидишь. И не стоит столько плакать.

Она подняла голову и откинула челку. Затем достала из сумки расческу. Забрав волосы со лба назад, она закрепила их розовым обручем. Мне нравилось ее бледное лицо с тонкими аристократическими чертами, прозрачные голубые глаза, небольшой нос красивой формы и маленькие бледно-розовые губы. Но общее выражение инфантильности, слабости и упадка сил портило его. Я приписала это ее угнетенному состоянию.

– Как вас зовут? – неожиданно поинтересовалась она. – Меня Марика.

– А меня Ольга Николаевна, – улыбнулась я. – Но можно просто Оля, если тебе так удобнее.

– Удобнее, – кивнула она и тоже улыбнулась.

– Ну вот и замечательно, – сказала я и откинулась на спинку скамьи.

– А вы тут лежите или пришли к кому-то? – после паузы поинтересовалась она.

– Подруга тут, недавно двойню родила, – сообщила я и повернулась к ней.

– Глупо как, – заметила Марика и скривила губы.

– Почему? – изумилась я и заглянула в ее расширившиеся глаза, которые вновь начали наполняться слезами.

– Мир так жесток, в нем столько грязи, зла, горя, – тихо ответила она. – И какой смысл рожать детей? Чтобы обречь их на мучения?

Слезы вновь потекли по ее щекам.

От такой позиции совсем молоденькой девушки я опешила. Лично во мне инстинкт продолжения рода всегда был очень силен. И если бы не обстоятельства, то я, наверное, родила бы не меньше пяти детей. Да и обе мои дочери тоже хотели создать семьи, иметь не менее двух малышей.

– А у тебя есть брат или сестра? – зачем-то спросила я.

– Не-а, у меня и папы-то нет, – ответила Марика и встала, вытирая слезы. – Он бросил нас, когда я еще младенцем была. И я с мамкой вдвоем, и нам хорошо! – с вызовом добавила она и взяла сумку.

Я решила, что Марика хочет уйти, и даже неприметно вздохнула с явным облегчением. Этот разговор начинал угнетать. Но она глянула на меня и предложила, отчего-то перейдя на «ты»:

– А не хочешь пройтись? Или тебя ждут?

Я удивилась, но кивнула, правда, пробормотала, что меня действительно ждут. Но Марика словно не слышала. Она направилась по кленовой аллейке, я пошла рядом.

– Ты тоже что-то грустная, – непринужденно заметила она.

– Есть немного, – согласилась я.

– А где тебя ждут? – поинтересовалась она.

– За тем корпусом, – ответила я и обернулась. – И мы как раз от него удаляемся.

– Если нужно, то иди, – еле слышно пробормотала Марика, и из ее глаз вновь потекли слезы.

– Мы можем немного пройтись по этой аллее, – мягко сказала я, – а потом вернемся. Если хочешь, расскажи о своем друге. Как его зовут?

«Бедная девочка! – мелькнула мысль. – Ей и правда очень тяжело все это переносить. Готова с первой встречной поделиться»

– Его зовут Кирилл, – с готовностью ответила она. – И он необыкновенный! Мы встречаемся уже полгода. И я безумно, безумно, безумно люблю его! Если он умрет, я тоже здесь не останусь!

– Но ведь сейчас все хорошо? – спросила я и вновь почувствовала легкое неудобство от такого чрезмерно эмоционального проявления чувств. – И в будущем многое будет зависеть от тебя.

– Ты так и правда считаешь? – спросила Марика и даже остановилась.

– А как же иначе! – ободряющим тоном ответила я и тоже остановилась.

Марика тихо пропела: «В разгаре лета найти и потерять! Нет, мы не сможем смеяться и кричать». Она нагнулась и подняла лист клена, уже начавший желтеть. Поднеся его к лицу, Марика закрыла глаза и продолжила тихо петь: «Ждать, пытаюсь себя сдержатъ, ты просто не сможешь петь...»

– Что это? – вяло поинтересовалась я, так как ее поведение начало меня порядком раздражать.

Марика была явно неординарной девушкой. Но у меня сейчас даже такой тип личности не вызывал интереса. И это было плохим признаком. Я давно для себя поняла, что истинная депрессия – это когда никого и ничего не любишь.

– Это моя любимая группа «Маракеш», они из Киева, – ответила она и закружилась на месте. – И это их хит «Ждать». Просто супер! Не слышала никогда?

Я отрицательно покачала головой.

– А ты кем работаешь? – спросила Марика довольно равнодушным тоном и бросила лист на асфальт.

– Никем, – нехотя ответила я и пошла по дорожке обратно к корпусу.

– Здоровски! – восхитилась она и двинулась за мной.

– Книжки пишу, – пояснила я на всякий случай.

– Да? – отчего-то обрадовалась Марика. – И как твоя фамилия, если не секрет?

– Лазорева.

– Не слышала, – разочарованно протянула она. – Ой, смотри, бабочка!

Марика побежала к клумбе, над которой кружился крохотный лазоревый мотылек.

«Сущие дети! – подумала я, наблюдая за ней. – А уже любовь, смерть и мысли о вечном! Неправильно все это! Но девочка странная, я таких что-то и не встречала».

Скоро Марика догнала меня и пошла рядом. Мы обогнули корпус, и я увидела, как Ириска что-то гневно говорит охраннику, а Лена все так же сидит на скамейке и улыбается, наблюдая за ними. В этот момент она заметила меня и махнула рукой. Ириска развернулась в мою сторону всем корпусом. Увидев ее красное разозленное лицо, я невольно улыбнулась. Охранник что-то сказал ей, мельком глянул на меня и быстро направился прочь. Мы и подойти не успели, как Ириска начала выговаривать мне за то, что я так внезапно исчезла. Моя сумка осталась тут, телефон был в ней, поэтому Ириска позвонить не могла.

– Оля! – быстро говорила она. – Разве так можно?! Называется, пошла в туалет и пропала на час! Я уж и не знала, что думать! Уже даже охранника вызвала на подмогу. А Лене волноваться нельзя, ты же знаешь!

– Я и не волновалась. С чего ты взяла? – усмехнулась Лена.

– На час? – изумилась я и достала из сумки мобильный.

Глянув на дисплей, пробормотала, что прошло всего сорок минут.

– Ладно, вы тут разбирайтесь, а я пошла, – встряла Марика, видя, что на нее никто не обращает внимания.

– Всего хорошего, – ответила ей Ириска.

– Оля, можно твой мобил? – спросила Марика.

Я удивилась, но протянула ей телефон. Ириска сразу замолчала и в недоумении смотрела на нас. Марика раскрыла его и что-то вписала. Потом отдала мне со словами: «Мой номер. Звони, буду рада». Она кивнула нам и пошла прочь легкой стремительной походкой. Ириска проводила ее взглядом, помолчала, потом повернулась ко мне.

– Это еще что за явление? – поинтересовалась она. – Где ты эту малолетку подцепила? И чего ей от тебя нужно?

– Случайно познакомились, – ответила я, садясь рядом с Леной. – Милая девчушка, зовут Марика.

– Ну понятно, – нахмурилась Ириска, – тебе, как писателю, интересны всякие неадекватные личности. Но девчонка какая-то странная.

– Это эмо, – заметила Лена, – неужели неясно?

– Кто? – одновременно спросили мы с Ириской.

– Ну вы и отсталые тети! – рассмеялась Лена. – Эмо – направление молодежной субкультуры, очень сейчас модное. Они часто плачут, режут себе вены, носят черно-розовую одежду, делают тату и пирсинг, слушают эмо-музыку. Никогда не встречали, что ли? Мы у себя в агентстве даже подумываем, не сделать ли нам рекламу в стиле эмо, – задумчиво добавила она.

– Первый раз слышу, а тем более вижу, – заметила Ириска и поджала губы.

– И у тебя дочь подрастает! – тихо засмеялась Лена. – Сколько твоей Зойке уже? 14? Вот придет как-нибудь с выкрашенной черной челкой и пирсингом, да еще и в черно-розовой одежде, тогда сразу узнаешь!

– Еще чего! – отмахнулась Ириска и тоже засмеялась.

– Нет, ну про такую группу, как Tokio Hotel вы уж точно слышали? – поинтересовалась после паузы Лена.

– А это что, эмо? – изумилась я.

– Нет, стиль, я бы сказала, поп-рок, но внешний имидж продюсеры подогнали под эмо, сделав ставку на молодежную моду. И не ошиблись.

– А это интересно, – сказала я задумчиво.

– Тут через сквер есть клиника, тоже частная, – продолжила Лена, – она, кажется, с нервным уклоном. И эта твоя девочка-эмо не оттуда, случаем, сбежала?

– Нет, не беспокойся, – улыбнулась я. – А тебе кормить деток не пора? – перевела я разговор на другую тему.

– Медсестра их кормит из бутылочки, – ответила за Лену Ириска с явным возмущением. – Я же говорила!

– Просто у меня молока почти нет, – сказала Лена. – Но сейчас с этим у многих проблемы.

– Это все одни отговорки! – нахмурилась Ириска.

– Пошли лучше погуляем, – предложила я. – А то вечер чудесный.

Мы встали и медленно отправились по дорожке. Ириска постепенно успокоилась. Мы болтали о разных пустяках, смеялись, но я отчего-то нет-нет да и вспоминала Марику. Я даже почувствовала, что грусть уходит и появляется интерес к новому персонажу. Я, правда, пока точно не знала, кто такие эмо, но сам типаж показался мне близким и понятным, ведь все писатели по сути своей чрезмерно эмоциональные люди, зачастую склонные к суициду. Знали бы читатели, какие бури эмоций разыгрываются внутри, как ноет душа, заставляя писать о любви, страдании, жизни и смерти.

– Так, наша Оленька о чем-то глубоко задумалась, – услышала я и повернула голову.

Ириска смотрела на меня лукаво, кончики ее губ неудержимо ползли вверх.

– И этот недотепа режиссер даже свое портфолио не предъявил! – говорила в этот момент Лена.

Но тут же замолчала и с любопытством на меня посмотрела.

– Вы чего? – нахмурилась я.

– Да вид у тебя какой-то странный, – ответила Лена и взяла меня под руку. – Не иначе творческая мысль заработала!

– Дай-то бог! – вздохнула Ириска. – Давно пора! А то ты, Оль, по-моему, все время о Никитке думаешь, все-то он у тебя из головы не выходит. Забуди! Тебе же легче станет!

Словосочетание «эмо-киды», или просто «эмо», сейчас на слуху. Но многие в России даже понятия не имеют о том, что же оно означает, хотя на Западе это явление впервые появилось еще в 80-х годах. Модная музыка эмо и сопутствующая ей субкультура – явление сугубо молодежное, причем скорее для 13—15-летних подростков. Считается, что мальчики органичнее вписываются в самую идею эмо, нежели девочки. Эмо-бои, так они себя

называют, тщательно ухаживают за собой, носят стильные и обязательно удобные вещи. Этих парней настолько волнуют собственные чувства и переживания, что они не стыдятся их проявлений.

«Эмо» (сокращение от англ. emotion – эмоциональный) – особый стиль музыки, одежды и жизни впервые появился в 1980-х годах на Западе. Но все-таки первоначально эмо зародилось как музыкальное направление. Оно быстро пересекло границы, как географические, так и музыкальные. И именно музыка спровоцировала появление новой субкультуры. Эмо-музыка – это особый вид хардкор-музыки, основанный на сокрушительно сильных эмоциях в голосе вокалиста и мелодичной, но иногда хаотичной музыкальной составляющей. Визг, плач, стоны, шепот, срывающийся на крик, – отличительные особенности этого стиля. Тексты песен носят личный характер – о переживаниях автора. Сегодня этот стиль музыки подразделяется на эмокор, эмо-рок, кибер-эмо, панк-эмо, эмо-вайоленс, скримо, френч-эмкор и др.

На первый взгляд культура эмо выглядит мрачной и деструктивной. Но на самом деле это не так. Эмо само по себе не несет ничего плохого, а наоборот, пытается донести до людей идею, что помимо материальных ценностей в жизни человека должны быть и ценности духовные. Основа эмо – истинные, неподдельные и нескрываемые чувства и эмоции. Эмоции – вот движущая сила в жизни человека. И главная из них, несомненно, любовь. Любовь – это идеальное чувство, которое нельзя скрывать, уверяют эмо-киды. Поэтому, если сердце разрывается на куски, эмо не будет молчать об этом – он будет открыто грустить, переживать и даже плакать навзрыд. Особенно сильные эмоции вызывает в эмо-кидах музыка. На эмо-фестях толпы эмо-кидов в яркой одежде не в силах справиться со своими эмоциями и едва ли не заливают слезами танцпол. Но это, конечно, крайности: тру-эмо (истинные эмо, от англ. truth – правда, истина) могут всплакнуть под грустный мотив, но никогда не будут делать из этого шоу.

В целом эмо – очень интересное молодежное направление. Здесь приветствуется в первую очередь особое самосознание: крайняя доброта, душевная открытость, эмоциональность. Стать эмо практически невозможно, эмо – это внутреннее состояние. И открытое выражение эмоций – это норма. Конечно, у каждого разные эмоции, и по-разному их получается выражать. Но главное, чтобы они были искренними, шли от души. Эмо очень серьезно относятся к дружбе, любви и отношениям. Большинство из них не употребляют нецензурную лексику, не принимают наркотиков и не принимают решения споров при помощи кулаков.

Из-за эпатажного внешнего вида (парни с накрашенными ногтями и глазами) и поведения (плаксивый, чувствительный и т. д.) большинство обывателей считает эмо-боев геями. Но это не так. Эмо-бои пропагандируют свободную любовь. И бисексуальность – распространенное явление среди этого сообщества. Считается даже, что есть неписаное правило: каждый, кто хочет быть эмо, – должен быть би. Хотя это тоже не соответствует действительности. Прежде всего эмо – внутренняя свобода, и каждый сам выбирает стиль отношений в соответствии со своими внутренними потребностями.

Как выглядят эмо-бои? Обычно это худые, высокие подростки с прямыми, черными как смоль волосами, практически всегда крашеными.

В одежде преобладают узкие джинсы, возможно с дырками или заплатками, проклепанные ремни, обтягивающие футболки со смешными детскими рисунками или разорванными в клочья сердцами на груди, свитера и длинные полосатые, зачастую черно-розовые шарфы. Главная отличительная черта эмо-боев – подведенные черным карандашом глаза и закрывающая пол-лица косая челка. У многих проколота губа, часто эмо-бои делают в ушах тоннели. Эти парни ходят с сумками через плечо или рюкзаками, на которые вешают значки, мягкие игрушки, заплатки.

Девушек эмо не так много, как эмо-боев. Они придерживаются такого же стиля в одежде и поведении, с тем лишь отличием, что девушки вместо косой челки предпочитают детские, смешные прически.

И парни и девушки эмо очень женственны и чувствительны. Следует отметить, что в эмо-среде размыты рамки между полами: мальчики похожи на девочек, девочки похожи на мальчиков – отличить их порой весьма сложно. И мальчики, и девочки могут пользоваться косметикой – использовать светлый тональный крем, подводить глаза, красить черным лаком ногти. Парню можно «косить» под девушку и наоборот – это не вызывает ни капли стеснения, напротив – считается естественным.

Направление эмо сейчас очень популярно и распространено у западной молодежи. Так, в США, Великобритании, Франции и Германии идеологию эмо исповедуют около 30% молодежи.

Российские тинейджеры быстро подхватили западное течение эмо-культуры. Но в настоящее время молодежная среда очень агрессивна, и представители других субкультур дружно возненавидели эмо за их постоянную плаксивость, аполитичность, бесхребетность и внешний вид. Эмо часто бьют прямо на улицах, эмо-концерты «накрывают», закидывая бутылками или пакетами с мукой, создаются сообщества антиэмо.

Однако в России существуют немало музыкальных групп, избравших направление эмо. Если представители шоу-бизнеса делают на относительно новое движение ставку, значит, оно становится в нашей стране все популярнее. В Интернете можно найти огромное количество ресурсов, где предлагают заказать нашивки, футболки, значки, браслеты и даже настенные календари в стиле эмо.

Мы побыли с Леной еще где-то с полчаса, потом уехали.

– Я тебе говорила, что Ленка спит и видит, как бы быстрее выйти на работу! – с возмущением говорила Ириска, зажав меня в вагоне метро в углу и практически навалившись на меня. – А двойняшек бабушке сбегрит. Ох, уж эти мне бизнесвумен! Все как одна кукушки!

– Каждый живет так, как считает нужным, – попробовала я ее урезонить.

– Ага! Особенно ты! – тут же переключилась она и гневно посмотрела мне в глаза. – Сколько можно хандрить! Нужно что-то с тобой делать!

Я вздохнула и попыталась отодвинуться от нее, но народу в вагоне было много, и мне это не удалось.

– Ты сейчас домой? – поинтересовалась Ириска после паузы.

– А куда еще? – удивилась я. – Уже около девяти!

– Мы хотели к Златке заскочить. Помнишь? И мы как раз подъезжаем к «Смоленской». Пошли на часок? А потом уже домой поедем.

Я снова вздохнула и молча кивнула. Если Ириска вцеплялась в кого-то, то это было хуже энцефалитного клеща. Хотя я понимала, что в данном случае ею руководят только добрые чувства. Она боялась, что я окончательно погружусь в депрессивное состояние, и

пыталась по-своему принять меры. И прежде всего она решила, что нельзя оставлять меня одну надолго.

– Дочки-то скоро вернутся? – словно читая мои мысли, поинтересовалась Ириска, когда мы вышли из метро и направились к дому Златы.

– Катя через неделю, а Варя в начале сентября, – ответила я.

Они обе учились в институтах. Закрыв сессии, какое-то время были в Москве, потом Катя уехала с друзьями в Севастополь, а Варя, которая переживала очередной разрыв с очередным парнем, отправилась к бабушке в деревню и решила оставаться там до начала занятий.

– Вот и отлично, что Катюха скоро будет с тобой, – заулыбалась Ириска. – А то ты все у нас одна!

– Вообще-то, дорогая моя, – хмуро заметила я, – когда пишешь, то одиночество необходимо.

– Ох уж эти мне творческие натуры! – заметила Ириска. – Все-то у вас не как у людей! Ты так и замуж больше не выйдешь.

– А я и не стремлюсь, – пробормотала я и ускорила шаг.

Когда мы вошли в квартиру Златы, то в коридоре столкнулись с каким-то молодым мужчиной. Он, как мы поняли, уже уходил. Но Злата зачем-то представила нас. У него оказалось довольно редкое имя Герасим, а попросту Гера. Ириска не выдержала, пробормотала: «А где Муму?» – и тихо хихикнула, толкнув меня локтем. Я сурово на нее глянула, но Гера не обиделся. Наоборот, начал улыбаться, с любопытством глядя на нас. Его лицо мне понравилось с первого взгляда. Есть такие лица, которые сразу чем-то привлекают. Не сказать, что Гера был красавцем, самый обычный на вид человек. Лицо приятное, худощавое, интеллигентное, глаза непонятного цвета, какое-то смешение зеленого, светло-коричневого и серого, прямой нос, красивого рисунка небольшие губы. Но на волосы я сразу обратила внимание. Гера носил стрижку каре, и волосы закрывали уши. Густые темно-каштановые пряди были волнистыми и блестящими и красиво обрамляли его лицо. Гера периодически откидывал их назад со лба изящным жестом. Его длинные пальцы выглядели аристократично. Гера был около 180 см роста и обладал поджарой мальчишеской фигурой. Я подумала, что ему не больше 30, но, как оказалось, в феврале уже исполнилось 38 лет. Одет он был в голубые джинсы и свободную рубаху с закругленными краями, выпущенную поверх джинсов. Ее цвет был фиолетовым.

Ириска цепко глянула на улыбающегося Геру, потом перевела взгляд на меня.

– Вы уже уходите? – медовым голосом поинтересовалась она. – Очень жаль! А то, может, разбавите нашу женскую компанию?

– Я бы с удовольствием, милые дамы, – с готовностью ответил Гера, – но мне еще нужно встретиться с клиентом. Так что вынужден вас покинуть.

– Очень жаль, очень жаль, такой приятный молодой человек, – продолжила Ириска свою песню и лицемерно вздохнула, украдкой глянув на меня. – И что за клиент в такое позднее время? – довольно бесцеремонно спросила она.

Злата, молчавшая до этого момента, засмеялась.

– Ну что ты так нападаешь на Геру! – заметила она. – Ему действительно пора.

– Нет, я ничего такого не скрываю, – улыбнулся Гера. – Я работаю агентом недвижимости, сегодня показываю квартиру потенциальному покупателю. И он может только после работы, поэтому так поздно.

– Исчерпывающе, – расцвела Ириска. – Вот повезло вашей жене! Вы так все обстоятельно докладываете.

– Я не женат, – улыбнулся он и открыл дверь.

Потом остановился и посмотрел почему-то на меня. Я почувствовала, как жар приливает к щекам. Гера достал из барсетки визитку, протянул ее мне и сказал:

– Оля, вы из этой милой компании самая молчаливая. Но вдруг у вас возникнут вопросы именно к агенту недвижимости? Так что звоните, с удовольствием с вами поболтаю. До свидания!

И он вышел за дверь.

– Знаешь что, Ириска, – возмущенно проговорила Злата, направляясь на кухню, – твои методы воздействия иногда напоминают продвижение танковых войск. Что ж ты так на Герочку набросилась!

– А что такого? – спросила Ириска невинным тоном. – Такой кадр ценный! Симпатичный, да еще и, как вы только слышали, свободный! Я же сразу заметила, что наша Оля будто из спячки вышла, как его увидела. Даже глазки заблестели. Должна же я была как-то ускорить процесс. А то ушел бы, только мы его и видели. Кстати, что он делал в твоей квартире? – задала она запоздалый вопрос.

И мы со Златой одновременно засмеялись.

– С этого и нужно было начинать, – заметила Злата и открыла холодильник.

– А вы тут, смотрю, торт ели, – сказала Ириска и взяла грязные чашки и блюда со стола.

Поставив их в раковину, она повернулась к Злате. Та вынула из холодильника бутылку белого вина и задумчиво на нее смотрела.

– А сыр есть? – разрешила ее сомнения Ириска и достала из шкафчика штопор. – Так что этот симпатяга Гера делал в твоей квартире?

– Что, что? Костика ждал, – ответила Злата и открыла бутылку. – Всем можно? – поинтересовалась она. – Беременных нет?

От неожиданности мы дружно расхохотались.

– Не обращайтесь внимания, – улынулась Злата и разлила вино. – Это еще рефлекс после Ленки остался. Как она там, кстати?

– Отлично, – ответила я. – Уже решает рабочие вопросы по телефону.

– А деток медсестра из бутылочки кормит, – добавила Ириска.

Мы выпили и замолчали.

– Что и следовало ожидать, – констатировала Злата. – Так вот, – продолжила она после паузы другим тоном, – Костик решил поменять свою квартиру на меньшую, уж и не знаю, с чего! Правда, он мне последнее время постоянно твердит, что хочет приобрести за городом какой-нибудь домишко, чтобы мы могли там отдыхать.

– И отлично! – тут же воодушевилась Ириска. – Значит, у вас уже все так серьезно? Так дело до загса дойдет.

– Ишь ты какая шустрая! – отмахнулась Злата. – В общем, Гера – это его контакт. Он уже как-то раз приходил к Костику на «Коломенскую». Я там с ним и познакомилась. Приятный молодой человек.

– Но опять молодой, – хмуро заметила Ириска и глянула на меня. – Все-таки Оле пора обращать внимание на ровесников или даже старше.

– Вообще-то, насколько я знаю, ему 38 стукнуло, кажется, зимой еще, – ответила Злата. – Но, конечно, ни за что не дашь.

– Это просто такой тип мальчишеский, – тихо сказала я и отпила вино.

Но чуть не поперхнулась, так как и Ириска и Злата развернулись ко мне и пристально на меня посмотрели.

– Вы чего? – спросила я, чувствуя, что краснею.

– А ведь ты права, – заявила Злата, не спуская с меня глаз. – Оля-то и вправду им заинтересовалась!

– И отлично! – подхватила Ириска, хотя я молчала. – Достойный кадр, кажется. Так, Златик, давай подробно сведения!

В этот момент мы слышали какой-то шум в коридоре и замолчали.

– Это Костик явился, – пояснила Злата и не подумала встать. – И очень кстати! Он нам сейчас все доложит.

Скоро в кухню вошел Костя. Он радостно заулыбался при виде нас и тут же начал потирать руки, с воодушевлением поглядывая на полупустую бутылку. Поздоровавшись, уселся за стол и, не дожидаясь приглашения, налил себе вина.

– Ты почему так сильно задержался? – строго спросила Злата. – Гера тебя час ждал, но потом ему позвонили, и он решил уехать.

– Да, я знаю, – ответил Костя, – я с ним уже поговорил. Зайка, на работе жуткая е*ала, ты же знаешь! Август, будь он неладен! Музыканты или в отпусках, или на гастролях. Никого днем с огнем не найдешь! Запарился прямо!

Костя, я уже упоминала, работал инспектором симфонического оркестра.

– Мы сейчас не об этом, – оборвала его Злата. – Расскажи-ка лучше все о Гере.

Костя быстро выпил вино и налил себе еще. Но Злата не обратила на это внимания. Она барабанила по краю стола длинными накрашенными красным лаком ногтями и внимательно на него смотрела. Ириска также не сводила с него глаз. Костя ухмыльнулся и сказал:

– Ага, заинтересовались. Не иначе бедную Оленьку опять хотите пристроить. Удивляюсь я вам, бабам, чесслово! Как только видите холостого, свободного и счастливого, так и норовите на него хомут надеть и сделать несчастным женатиком!

– Заканчивай лирические отступления и переходи к делу! – строго проговорила Ириска.

– Оль, а тебе он понравился? – поинтересовался Костя.

Я засмеялась. Все это начинало меня забавлять. К тому же Гера мне действительно понравился.

– Ясно! – отчего-то воодушевился Костя, глядя на меня. – Значит, так, бабоньки, кадр ценный, что и говорить! Умница, зарабатывает прекрасно, курит и пьет в меру, холост, обожает машины, но есть одно «но». Не москвич! Снимает квартиру, правда, здесь уже лет шесть тусуется, это точно.

– И откуда он? – поинтересовалась Ириска.

И я вновь засмеялась, увидев, как она поджала губы и явно расстроилась.

– Из Красноярска, – ответил Костя.

– И что? – довольно агрессивно спросила Злата. – Еще и лучше! Сибиряки – классные! К тому же все знают, что здоровье у них железное. А это в наше время самое главное!

– Значит, так, – задумчиво проговорила я, – невеста согласна, родственники тоже, но вот жених?

– Да, – тут же подхватил Костя, – плохо мы еще воспитываем современную молодежь! Все расхохотались.

– Да и кто будет спрашивать жениха? – продолжила Ириска. – Мешок на голову – и в загс!

Мы ушли от Златы около одиннадцати. Вечер был приятный, тихий и теплый. Ириска была на удивление молчаливой. Пока мы шли к метро, она не сказала ни слова. Мы жили на одной ветке, я возле метро «Чертановская», Ириска – «Нахимовский проспект». Когда она вышла на своей станции, то махнула мне и крикнула, чтобы я все-таки подумала.

«Не удержалась, – улыбнулась я, провожая взглядом ее подтянутую фигуру. – Но Гера мне и правда интересен».

Но когда я зашла в свою темную тихую квартиру и мгновенно ощутила одиночество и вновь вернувшуюся тоску, то не смогла сдержать слез. Может, Ириска была все-таки права?

И мне действительно не стоило столько времени быть одной? Я приняла душ, переделалась в домашнее платье и включила телевизор. Посмотрев минут пять какой-то боевик, почувствовала скуку и отправилась на кухню. Налив красного вина, подошла к окну и стала смотреть на ночную улицу. Сквозь ветви деревьев мерцали неровным светом движущиеся фары машин, неясные силуэты идущих людей казались тенями, мелькающими внизу. Красная точка вспыхнувшей сигареты и чей-то смех заставили меня повернуть голову. Недалеко от подъезда, освещаемая тусклым желтоватым светом фонаря, стояла парочка. У девушки были длинные распущенные светлые волосы. Она что-то говорила, размахивая руками, и залившись смеем, Парень отбросил сигарету, обнял ее. И я вновь расплакалась.

– Ждать, пытаюсь себя сдержать, ты просто не сможешь петь, – пробормотала я неизвестно откуда пришедшие строчки.

И тут вспомнила, что это сегодня напевала Марика. Я глянула на часы, была уже почти полночь.

«Поздно звонить, – мелькнула мысль. – Да и зачем?»

Но я все-таки взяла телефон и набрала ее номер. Долго никто не отвечал, и я уже хотела положить трубку. Но тут раздался ее слабый голос:

– Кто это?

– Марика, я тебя разбудила? – огорченно спросила я. – Извини! Это Оля Лазорева. Мы сегодня с тобой случайно познакомились.

– Да, да, конечно! – более живо отозвалась она и явно обрадовалась. – Я не сплю, Оль!

– Сама не знаю, зачем тебе звоню, – призналась я.

И тут же подумала, что «рыбак рыбака видит издалека». Марика пребывала, как и я, в депрессивном состоянии, видимо, поэтому мне так захотелось поговорить с ней. Ведь ей не нужно было ничего объяснять, она и без слов все понимала.

– А я сегодня купила две твои книжки, – сообщила Марика. – И даже читать начала.

– И какие? – заинтересовалась я.

– В магазин «Москва» заехала, – продолжила она, – там и купила «Спелую ягоду» и «Возвращение русской гейши». Хотела бы и другие купить, но денег не хватило. Начала читать про гейшу. Ну ты, Оль, даешь! Это просто жест!

– Это не совсем для твоего возраста, – заметила я и подумала: «Нужно было на эти книги ограничения по возрасту поставить». – А тебе, кстати, сколько?

– Пятнадцать в ноябре исполнится, – ответила она. – И почему не для моего? Я тут так плакала из-за Кирилла, так мучилась, так хотелось умереть прямо сейчас. Когда чуточку успокоилась, то решила чаю попить. И взяла твою книгу. Такая обложечка прикольная, у гейши такие классненькие матрешки на плече. И так зачиталась, что даже плакать перестала. В общем, здоровски это отвлекает от тяжелых мыслей. Ты красиво пишешь.

– А ты одна дома? – удивилась я.

– Мои все на даче, а я вот тут из-за Кирилла, – пояснила Марика. – Его выпишут не раньше чем через неделю. И я к нему езжу прямо с утра. А ты еще поедешь к своей подруге?

Ход ее мыслей мне был понятен, и я ответила:

– Наверяд ли. А ты хочешь меня увидеть?

– Да, очень! Ты мне нравишься, совсем не задаешься, хоть ты и писатель. И разговаривать с тобой легко, не то что с предками.

Марика тоже нравилась мне, к тому же сам типаж вызывал любопытство, но я не была уверена, что стоит развивать наше знакомство.

– Ты завтра что делаешь? – непринужденно поинтересовалась она.

– Над сборником рассказов работаю, – ответила я.

– Здоровски! Но ведь не весь день?

– Знаешь, давай я тебе завтра позвоню, скорее всего во второй половине. Хорошо?

– Да! Супер! – обрадовалась Марика. – Я с утра все равно к Кириллу еду. А потом мы можем просто погулять, мороженого поесть.

– Как он? – поинтересовалась я.

Марика тяжело вздохнула. Потом ответила:

– Как-то замкнулся. Раньше все мне про себя рассказывал, что он делал, что думал. А сейчас сидит на диване и смотрит в стену. Я говорю, говорю, а он будто не слышит. Но, правда, иногда мне отвечает.

– А ты гуляй с ним больше по скверу, – предложила я. – Природа уникальна сама по себе и настолько гармонична, что лечит. И погода сейчас хорошая.

– Точно! – обрадовалась она. – А то мы все в его комнате сидим. Это частная клиника, и у него будто своя комната, там даже комп разрешают и инет есть.

– Странная какая клиника, – заметила я.

– Почему? Правда, следят за тем, что он смотрит и слушает. Там в компе тока комедии закачаны, а из музыки попса. И никаких игр. Оль, а ты тоже какая-то грустная, – без перехода заявила Марика. – Случилось чего?

Я невольно улыбнулась. Ее непосредственность подкупала. Я даже ощутила желание рассказать ей о Никите, но вовремя одумалась. К тому же Марика приобрела книгу «Спелая ягода», а там эта история была выписана во всех подробностях.

– Просто устала, – сказала я. – В моем возрасте это случается все чаще.

– Чего ты так говоришь, будто совсем дряхлая старушка, – засмеялась Марика. – Ты молодая! А ты замужем?

– В разводе, – ответила я.

– А любимый есть? – продолжила расспросы она.

– Недавно рассталась, – после паузы ответила я.

– Так вот ты чего такая грустная! – заметила Марика.

– Знаешь, давай спать, а? А то уже далеко за полночь.

– И чего? – засмеялась она. – Мне завтра в школу не надо!

– Зато мне надо встать со свежей головой, а то не напишу ничего, – заметила я.

– Ой, сорри! – спохватилась Марика. – Споки, Оль. До завтра!

– И тебе спокойной ночи!

«Эти сокращения скоро приведут к изменению языка, – подумала я, закрывая телефон. – Ладно, когда на сайтах и в чатах для быстроты сокращают слова, но это уже проскользнуло и в разговорную речь. Хуже всего, что и сама я стала этим пользоваться в переписке».

Вот несколько устойчивых сокращений, которые в основном использует молодежь: что-нибудь – что-нить, тебе – те, люблю – лю, только – тока, сколько – скока, сегодня – седня, спасибо – пасибки, или еще короче – спс, сейчас – щас, целую – чмок, целую много раз – чмоки, спокойной ночи – споки. Возможно, это рационально. Например, фраза «желаю тебе спокойной ночи и целую много раз» сокращается до «споки, чмоки», а «я тебя люблю» выглядит как «я тя лю». Как любой пишущий человек, я понимаю, что язык – живая материя и постоянно развивается, но такая форма сокращений делает слова куцыми и невыразительными.

Я вздохнула и налила еще вина. Сев на диван, вновь вспомнила Никиту. Он присылал мне много эсмэсок, но никогда не сокращал слова. И я испытывала счастье, читая в который раз: «Я люблю тебя, малыш». И все-таки расставание в нашем случае было неизбежным. Я отчетливо понимала это. Осталось лишь забыть о Никите, но пока это плохо получалось.

«Дома я оказалась под вечер. Была уверена, что Ник уехал. Но он ждал меня. Когда я вошла в квартиру, то увидела, что свет в гостиной горит, и даже

начала улыбаться. Но Ник встретил меня с хмурой физиономией. Правда, он явно недавно проснулся, потому что глаза были опухшими.

– Хорошо развлеклась? – ядовито поинтересовался Ник, помогая мне снять полушубок. – Я уж было подумал, что ты и ночевать не явишься.

– Прекрати, малыш, – ответила я, чувствуя, как меркнет мое настроение. – Ты же знаешь, что Лена в положении, и ей нужна была моя помощь, только и всего.

– Когда уж и ты будешь в положении? – вздохнул он и обнял меня.

– Я в ванную, – сказала я, уклоняясь от его поцелуя.

Потом мы пили на кухне чай, и Ник вновь завел ту же песню. Я видела, что тема детей отчего-то его необычайно заводит. А когда он заявил, что уже придумал имена «для наших двух пацанов», а именно Кузьма и Мишка, я чуть не расплакалась. Его слова вызывали боль, и чем больше он говорил об этом, тем яснее я понимала, что он роет могилу для наших дальнейших отношений. Нику нужна была нормальная семья, но я не могла ему это дать.

В следующий вторник я все-таки отправилась на консультацию к своему гинекологу и когда задала вопрос о возможности для меня еще раз родить, то врач дал вполне определенный ответ.

– Ольга Николаевна, – серьезно произнес он, – вам даже забеременеть будет крайне проблематично, а чтобы выносить здорового малыша, и речи нет. И потом у вас же есть две дочки. Так что не вижу смысла подвергать себя такому экстриму.

Не хочу тут цитировать выписки из моей медицинской карточки. К тому же я сама не вполне понимала, зачем отправилась к врачу. Даже если бы он сказал мне, что невозможное возможно, я бы навряд ли решилась на такой шаг.

Пока я медленно шла домой из консультации, мысли о Нике и его желании стать отцом не давали мне покоя. Чем дольше я общалась с ним, тем отчетливее понимала, что у нас нет совместного будущего. Что ждало меня, скажем, через десять и даже пять лет? Я неуклонно старела, а Ник был в расцвете сил. И через десять лет мне будет уже 51, а ему всего 29! Мне уже сейчас все труднее было выглядеть «на все сто» по утрам, особенно после активных бессонных ночей. А Ник всегда просыпался свежим и бодрым. Несколько раз он после работы звал меня съездить с ним в ночной клуб, но я с ужасом отказывалась. Сидеть там до утра, слушать музыку хауз, ска, психоделику или транс или еще что-нибудь в таком же неудобоваримом для меня стиле, пить коктейли, вдыхать густой табачный дым, общаться с обкуренными неадекватными подростками казалось невыносимым. Но Ник любил потусоваться в клубах. Ему доставляло удовольствие такого рода времяпрепровождение. А вот в театры или музеи он практически не ходил. Единственный раз он с удовольствием пошел со мной на выставку в Третьяковскую галерею. Но только потому, что это была выставка художественнойковки мастеров России.

Я понимала, что мне необходимо что-то решать, но при мысли, что самый лучший выход – это расстаться навсегда, мне становилось по-настоящему плохо. Я не представляла себя без его нежных глаз, улыбки, ласковых слов, безумной зажигающей страсти. И вновь откладывала решение на неопределенное время...

Апрель выдался очень мягким и теплым. Воздух казался бархатным, обычно очень резкое весеннее солнце грело ласково, и я много гуляла. Ник все так же пропадал в кузне, но когда приезжал ко мне, то набрасывался на меня с утроенной силой. Весна действовала на него возбуждающе. Он писал необычайно много стихов, необычайно много занимался сексом, но это не мешало ему излучать сияющую позитивную энергию, которая, казалось, прибавляется с каждым весенним днем. Разговоры о наших будущих детях приобрели систематический характер, Ник не оставлял меня в покое и не уставал внедрять эту мысль в мое сознание. Но я пребывала в задумчивом и немного угнетенном состоянии. Мысль, что нам необходимо расстаться, что это неизбежно, уже не вызывала никаких сомнений».

Ольга Лазорева. «Дамские пальчики»

На следующий день встретиться с Марикой не получилось. С утра я, как и запланировала, поработала над текстом, а потом позвонила Ириска.

– Собирайся! – безапелляционным тоном сказала она. – Мы сейчас с тобой кое-куда поедем. Жду у меня в метро у первого вагона через час. Форма одежды удобная...

– Ира! – от нахлынувшего раздражения я назвала ее по имени, и это, по-видимому, произвело эффект, так как она сразу замолчала. – Когда у тебя отпуск заканчивается? – уже тише поинтересовалась я.

– Через неделю, а что? – настороженно ответила она.

– А ты не хочешь на дачу поехать, на свежем воздухе побыть? – спросила я.

– Еще чего! Что я там забыла? Там моя свекровь безвылазно сейчас сидит, спелась с моей мамой. И я туда соваться без Левки и не подумаю. Они без конца меня зовут, жаждут свежей кровушки! Но я не сообщила, что в отпуске. И Левке велела не говорить, а то оставлю без сладкого на месяц, тогда узнает!

– Ясно, – вздохнула я.

– Короче, жду! – ответила Ириска и положила трубку.

Вначале я хотела перезвонить ей и сказать, что никуда не поеду, но, поразмыслив, все-таки решила принять ее приглашение.

«Не иначе какая-нибудь распродажа, – подумала я, открывая шкаф. – Надо надеть что-нибудь удобное».

Я достала голубые джинсы, черную трикотажную маечку, сверху решила надеть тонкую джинсовую рубашку. Расчесав волосы и слегка подкрасив ресницы, я вышла из квартиры.

Когда увидела Ириску в метро, то невольно рассмеялась. Она тоже была одета в джинсы и какую-то подростковую на вид спортивную кофту с капюшоном. Но ей это отчего-то шло и не казалось нелепым.

– Ага, ты тоже в джинсах, – констатировала она. – Вот и отлично!

– И куда мы все-таки? – поинтересовалась я.

– Увидишь, – многозначительно произнесла она. – На «Тульской» выходим.

Когда мы оказались на улице, Ириска начала вертеть головой по сторонам, явно пытаясь сориентироваться.

– Где Даниловский рынок? – с недоумением спросила она. – Что-то я его не вижу. Давненько же я здесь не была!

– Нам надо было на другой выход, – сказала я. – А мы что, на этот рынок приехали?

– Точно! Это я перепутала, – не отвечая на мой вопрос, сказала Ириска и потащила меня к подземному переходу. – Как бы нам не опоздать!

Но я остановилась. Ириска в недоумении на меня посмотрела и поинтересовалась, чего это я застыла на месте, как памятник.

– Что, уже классиком себя вообразила? – добавила она довольно ехидно. – Не волнуйся, для этого как минимум умереть надо. Так что никто еще к твоему подножию цветы возлагать не собирается.

– Ириска! – не обиделась я. – Скажи мне, куда мы направляемся? Только честно!

– На одно мероприятие, – уклончиво ответила она. – И это только ради тебя, Оленька! И мы уже опаздываем!

Она схватила меня за руку и решительно потащила по ступенькам в переход.

– Надеюсь, ты не собираешься знакомить меня с каким-нибудь претендентом? – спросила я. – А то ты в последнее время только и говоришь о том, что мне пора определяться.

На этот раз остановилась Ириска и вперила в меня гневный взгляд.

– И что, по-твоему, – возмущенно проговорила она, – я бы тебя в таком джинсовом прикиде выпустила?! А ведь ты меня знаешь не первый год!

Она отвернулась и начала спускаться в переход. Я молча следовала за ней.

Выйдя на поверхность, мы обогнули Даниловский рынок и углубились в какой-то переулок. Ириска ускорила шаг, тащила меня за руку и пыхтела, как паровоз. Но когда мы оказались возле двухэтажного здания явно прошлого века, стиснутого с двух сторон какими-то высокими строениями, она остановилась. Я увидела две двери. Возле одной вывеска сообщала, что здесь располагается какая-то стройконтора, а возле другой было две вывески.

«Магазин фурнитуры, – прочитала я, – все для вышивания».

Ниже белел лист бумаги, прикрепленный обычными кнопками.

«Аэробика души, – увидела я многозначительную надпись. – Психологическая разгрузка».

– Нам сюда, – заявила Ириска и потащила меня в дверь.

– Я не вышиваю ни крестиком, ни гладью, – попробовала я возмутиться. – И моей душе не требуется какая-то подозрительная аэробика.

Но Ириска даже и не подумала прореагировать и тащила меня вверх по лестнице с удвоенной силой. Мы остановились возле большой коричневой двери, Ириска перевела дух, тихо постучала и тут же вошла. Мы оказались в небольшом квадратном коридорчике. Прямо у двери сидела девушка за столом и радостно нам улыбалась. Перед ней возвышался ЖК-монитор. А за ее спиной я увидела целый каскад вьющихся растений, практически закрывающий стену. И это меня почему-то успокоило.

– Здравствуйте, – ласково поздоровалась девушка. – Вы на разгрузку?

Ириска закивала и подтащила меня к столу. Девушка спросила наши фамилии, потом сверилась по компьютеру, пробормотала, что с оплатой все в порядке, и предложила нам пройти в женскую раздевалку.

Ею оказалась небольшая комната. Вдоль одной из стен располагались шкафчики, словно в детском саду, да еще и с какими-то картинками на дверцах. Возле одного из них стояла полная женщина на вид лет шестидесяти. Она натягивала на себя красную футболку. Увидев нас, заулыбалась и поздоровалась. Потом сказала, что свободные шкафчики открыты.

– Сегодня первое занятие, – сообщила она. – Новая группа. Но я полгода назад уже проходила курс с нуля и вот решила повторить.

– Не помогло? – предположила я и открыла один из шкафчиков, на дверце которого была картинка с девочкой, держащей воздушные шары.

– Отчего же? – заулыбалась она. – Необычайно помогло! Просто хочу еще раз кое-что закрепить. Вы только, миленькие, ничему не удивляйтесь и делайте все, что говорит инструктор. Через пять минут начинается, так что поторопитесь.

Она пригладила волосы, кивнула нам и вышла в дверь, которую я сразу и не заметила, так как она располагалась за рядами шкафчиков.

– Ириска! Что это все такое?! А?! – начала возмущаться я.

– Ладно тебе! – отмахнулась она и достала из своего шкафчика комплект, состоящий из синей футболки и голубых трикотажных лосин. – Переодевайся лучше, а то нехорошо опаздывать. Ты же слышала, через пять минут начало занятий.

Я увидела, что на полке моего шкафчика лежит комплект зеленого цвета, и достала его. Он был в упаковке и даже с этикетками.

– Это что, новое все? – удивилась я и распаковала одежду.

– Конечно! – засмеялась Ириска. – А ты что думала, ношеное тебе подсунут? Тут еще и носки. Меня по телефону предупредили, что спецодежда выдается.

– И сколько я тебе должна? – поинтересовалась я.

– А нисколько! – отмахнулась Ириска. – Я на работе помогла одной знакомой, не буду вдаваться в подробности, она это нам и устроила. Так что не парься и получай удовольствие. Я уверена, что тебе необходимо психологически разгрузиться. Ну и я за компанию!

– С ума я с тобой сойду! – пробормотала я, натягивая лосины и футболку. – А обуви нет?

– В носках. Сама видишь, что тут везде коврики и очень чисто, – ответила Ириска. – Ты готова?

Я вздохнула и отправилась за ней.

Мы оказались в довольно большом помещении. Пол был застелен зеленым ковровым покрытием, разительно напоминающим по цвету молодую траву. На одной стене находилось три окна, закрытых матовыми полупрозрачными гардинами приятного кремового цвета, на другой я увидела фотообои с изображением солнечного летнего березняка, а третья оказалась зеркальной. Вдоль четвертой стены, в которой находилась дверь в раздевалку, стояли длинные деревянные скамейки. На них сидели люди, одетые в такие же футболки, как и у нас, но разных цветов. Я с удивлением заметила, что тут присутствовали и совсем молодые ребята, и довольно пожилые люди. Всего жаждущих психологически разгрузиться собралось около двадцати человек. Как только мы вошли, все сразу встали и дружно поздоровались. Я увидела, как Ириска покраснела. На середину комнаты вышла стройная хорошенькая блондинка, одетая в розовую футболку и малиновые лосины, хлопнула в ладоши и попросила встать всех в круг и взяться за руки. Когда круг был образован, она остановилась в центре его, заулыбалась и начала говорить, при этом медленно поворачиваясь. Она представилась, сообщив, что зовут ее Зоя и что она будет вести весь курс.

– Главное – забыть на время занятий обо всем, что беспокоит вас за этими стенами, – сказала она в заключение своей короткой речи. – А сейчас обнимите друг друга и приступим!

Я невольно прыснула и зашептала Ириске на ухо, что с удовольствием пообнимаюсь вон с тем симпатичным парнишкой. Она глянула на раскрасневшегося парня на вид лет 18, стройного, русоволосого и явно сильно смущающегося, и повернулась ко мне.

– Опять малолетки?! – возмущенно зашептала Ириска. – Лучше походи обнимись вон с тем интересным представительным мужчиной!

– Ага, щас! – отмахнулась я. – Это же психологическая разгрузка, так что буду обнимать того, кого хочу.

И я решительно направилась к парню. Он посмотрел на меня испуганно и скрестил руки на груди. Этот жест, как я уже знала, показывал, что человек хочет защититься от вас. Но меня это не остановило. К тому же вокруг все уже обнимались и некоторые даже целовались.

– Привет, малыш! – ласково сказала я. – Обнимемся? Ты очень славный!

– Вы так считаете? – спросил он охрипшим голосом и густо залился краской.

– Конечно! – заулыбалась я.

Он приник ко мне, нежно обнял за талию и даже положил голову на плечо. Я прижалась к нему и закрыла глаза. И тут же вспомнила Никиту. Но усилием воли отогнала его образ и отстранилась от парня. Он смотрел на меня затуманившимися глазами. Я заметила, что

на его лбу и над верхней губой выступили капельки пота. Улыбнувшись, я отошла и тут же попала в объятия какой-то грузной молодой женщины. Она крепко прижала меня к своему выпирающему животу и огромным грудям, но, к моему великому облегчению, тут же отпустила. И я перешла к высокому подтянутому мужчине примерно моих лет. Его объятия были вялыми, я почувствовала мгновенную и странную антипатию. И отчего-то начала сосредоточиваться на своих внутренних ощущениях. Мне даже показалось, что я стала чувствовать энергетику обнимающих меня людей. И не всегда она была для меня приятной. Но вот я увидела распахнутые голубые глаза Ириски и весело рассмеялась.

– С тобой тоже будем обниматься? – уточнила я и легко прижалась к ней.

– Тебе мужчинка вон тот понравился? – зашептала она мне на ухо и скосила глаза на высокого подтянутого блондина, который в этот момент обнимался с инструктором Зоей.

– Нет, – ответила я, – энергетика у него какая-то тухлая.

Ириска отстранилась и внимательно посмотрела мне в глаза.

– Интересное замечание, – сказала она. – А ведь мне говорили, что тут могут развиваться неординарные способности.

– Ага! Прямо вот так сразу! – улыбнулась я.

– А сейчас, мои дорогие, – раздался в этот момент голос Зои, и мы замолчали, – ложимся на спину.

Все сразу улеглись на пол прямо там, где стояли.

– И что, – тихо продолжила Ириска, повернув ко мне голову, – ты его энергетику через объятие почувствовала? Или он просто тебе не понравился?

– Понятия не имею, – прошептала я.

– Все замолчали, – сказала в этот момент Зоя, – и закрыли глаза.

И она начала рассказывать, что мы сейчас лежим на зеленой весенней траве, что в нашем теле много маленьких гномиков, которые бегают внутри, но по ее приказу покидают наше тело, и оно становится легким, пустым, а восходящее солнце растапливает его, словно глыбу льда, и мы таем и водой уходим в землю.

– И на счет «три» вы вновь возродитесь и будете чувствовать себя обновленными, чистыми и юными, – сказала Зоя и замолчала.

Я прислушивалась к своим ощущениям, пыталась представить свое тело тающим, но тут Ириска зашептала:

– А если эти зловредные гномики вернутся назад? И не только мои, но и другие захотят ко мне перебежать? Вон тут народу сколько!

Я повернула голову, увидела ее покрасневшее лицо, расширившиеся глаза и прыснула. Неудержимый приступ хохота настиг нас в тот момент, когда Зоя громко сказала:

– Три!

Я зажала рот руками и уткнулась лицом в пол, не в силах остановиться. Так и видела испуганное лицо Ириски в ожидании нашествия гномиков. Она корчилась рядом со мной.

– Это хорошо, – услышали мы голос прямо над нами и с трудом взяли себя в руки. – Это правильная реакция. Ваши души освобождаются от зажимов.

Мы сели и посмотрели на Зою. Она стояла возле нас и радостно улыбалась. Остальные тоже с любопытством изучали наши пылающие физиономии. Но почему-то больше никто не смеялся. Видимо, их души еще не раскрепостились.

Следующее упражнение было совершенно немыслимым с точки зрения нормального человека. Зоя предложила всем встать на четвереньки и хаотично ползать по полу. Но при встрече друг с другом поднимать голову и произносить свое имя. Все беспрекословно принялись ползать, словно ошалевшие от солнца божьи коровки. Мы с Ириской после нашего неуместного приступа хохота решили как-то реабилитировать себя в глазах окружающих и

безропотно подчинились большинству. Я боковым зрением увидела, как Ириска развернулась, подняла голову перед полной пожилой женщиной, и они одновременно сказали:

– Ирина.

– Наталья.

Кивнув друг другу, они расползлись. Тут перед моим носом возник давешний смущающийся парень. Его лицо было красным и потным.

– Оля, – сказала я.

– Илья, – произнес он и улыбнулся. – Приятно познакомиться, – зачем-то добавил он.

И на меня снова накатило. Воображение у писателей развито настолько сильно, что иногда кажется, что видишь художественный фильм. И в этот момент я увидела словно эпизод с моим участием. Причем картинка была настолько смешной, что удержаться не было никакой возможности. Ну сами представьте такой способ знакомства с молодым человеком! Я стою на четвереньках на полу, причем я ясно увидела свою немаленькую задницу (крупный план, вид сзади), обтянутую трикотажными лосинами, неизбежно отвисший живот и свисающую грудь, едва придерживаемые футболкой (крупный план, вид сбоку), свое изумленное красное лицо с вытаращенными глазами и наверняка разлохмаченную прическу. И нос к носу со мной молодой симпатичный парень, тоже на четвереньках и внимательно глядящий мне в глаза. На заднем плане медленно ползающие на коленках люди. Текст «Илья. Приятно познакомиться» служил завершающим штрихом комедии. И я, выдавив из себя: «А мне-то как приятно», опустила голову и затряслась в приступе смеха. Услышав, что Илья тоже начал смеяться, я села и посмотрела на него. Но увидев, что у него уже слезы от смеха выступили, вновь начала хохотать. Тут к нам подползла Ириска и сурово на нас уставилась. Я не могла ничего сказать от смеха, Илья тоже никак не мог остановиться. Ириска схватила нас за руки, подняла и вывела из помещения в раздевалку. Мы с Ильей упали на стулья, выпили минеральной воды и постепенно успокоились. Ириска ходила туда и обратно и периодически поглядывала на меня. Увидев, что я перестала смеяться, она подошла и нависла надо мной.

– И как это назвать? – с угрозой поинтересовалась Ириска. – Как мы сейчас туда вернемся?

– А мы не вернемся, – ответила я и почувствовала, что не могу сдержать улыбку. – С меня хватит! Не знаю, как ты, но я разгрузилась дальше некуда!

– И я тоже! – встрял Илья.

– А тебя никто и не спрашивает! – агрессивно сказала Ириска и развернулась к нему. Илья тут же сник и опустил глаза.

– Прекрати! – осадила я Ириску. – Ты не права! И давай будем переодеваться! Я на воздух хочу.

– Извини, парень, – тут же опомнилась она. – Это я просто от переживаний за подругу, понимаешь?

Илья встал и улыбнулся.

– Приятно было познакомиться, – сказал он. – Но я вернусь в зал. Еще увидимся?

– Вполне вероятно, – ответила я. – И обниматься с тобой лично мне было приятнее всех.

Он зарделся, как маков цвет, кивнул и вышел.

– А вот последнее замечание было излишним, – пробурчала Ириска и стянула футболку.

Оказавшись на улице, мы не сговариваясь, направились к видневшемуся недалеке кафе. Когда уселись за столик, Ириска еще ворчала какое-то время, но как только принесли капучино и пирожные, тут же успокоилась. Выпив кофе, она начала улыбаться, а потом и смеяться, вспоминая наш поход на курсы.

Креативность – это способность подходить к любому процессу творчески. Но у кого-то эта способность развита очень сильно, а кто-то считает себя человеком совершенно не творческого склада. Однако креативность присутствует у всех людей. И есть способы, позволяющие улучшить ваши способности к творчеству и созданию новых идей и вполне разумно использовать наш потенциал по максимуму. Существует несколько техник работы с собой.

Одна из техник может с успехом применяться как в коллективе, так и в одиночку. Она называется мозговой штурм, или брейнсторминг. Ее принцип в создании как можно большего количества идей для решения проблемы. Идеи должны быть любыми, даже если они кажутся абсолютно безумными. Все их следует записать, не задумываясь над их смыслом, а потом взять тайм-аут, чтобы это все «переварить». И помните основное правило этой техники: чем меньше вы будете оценивать идею, тем больших результатов добьетесь. И хотя множество идей покажутся вам неразумными и неэффективными, они могут привести к тому решению, которое и будет работать.

Другая техника – «отпустить» проблему. Если вы столкнулись с проблемой, которую не можете решить в данный момент, то попробуйте посмотреть на нее с другой стороны. Зачастую, сталкиваясь с проблемой, мы усиленно ищем выход, буквально бьемся головой о стену, и в итоге решения нет, а наша энергия иссякает. Этот путь может привести нас к неизбежному стрессу. Если уровень беспокойства слишком высок, части мозга как бы блокируют причину и «закрываются». В результате этого невозможно придумать что-то новое, и мы словно бежим по замкнутому кругу. Если стресс оказывается очень сильным, то сознание отказывается воспринимать реальность и выдает нам только два варианта: убежать от опасности или напасть на противника. Вы можете этого не допустить, изменив свое поведение. Когда вы чувствуете сильный стресс или просто не можете контролировать свои эмоции, отложите в сторону решение сложной проблемы, «отпустите» ее на какое-то время. Позвольте себе сосредоточиться на чем-то другом. Займитесь спортом – фитнесом, бегом, плаванием, чем угодно, погрузитесь с головой в какое-нибудь свое увлечение, уезжайте куда-нибудь на пару дней, если есть возможность. Переключите себя, чтобы разорвать замкнутый круг. В результате вы отвлечетесь, расслабитесь. Уходя на время от проблемы, вы позволите своему подсознанию искать решение, но ваше сознание будет занято другими делами. И решение придет само собой.

Еще одна техника – вести записи. Записывайте поток сознания, не задумываясь о красотах стиля, все свои мысли, даже если они кажутся вам не особо значимыми, мечты, опыт, понравившиеся цитаты, проблемы с друзьями – любую информацию, касающуюся вас и значимую для вас. Часто ответ на мучающую проблему приходит во время просмотра таких записей. Поэтому возьмите себе за правило периодически просматривать то, что вы писали, скажем, в прошлом месяце. И этот метод один из самых эффективных для развития вашего творческого начала.

Креативность и способность решать проблемы, как и другие навыки, требуют практики. И как только вы определите, какие техники для вас наиболее эффективны, для вас откроется новый мир. И это, несомненно, поможет вам и в общении с людьми, и в решении проблем. В личной

жизни креативный подход принесет вам только положительные эмоции. Ваш партнер быстро оценит какие-то неординарные поступки, ему никогда не будет с вами скучно, ведь вы будете постоянно удивлять его чем-то новым. А это только укрепляет отношения. А уж о пользе креативности в сексуальной жизни и говорить не стоит, ведь самый лучший секс – это совместное творчество.

В записную книжку

Креативность – это не удел гениев.

Это качество, присущее любому человеку.

Постоянно работая с собой, можно и нужно развивать его.

Креативность хорошо использовать не только на работе, но и в личных отношениях.

Когда мы вышли из кафе, Ириска предложила прогуляться. И мы почему-то, не сговариваясь, направились в сторону Даниловского монастыря. На улице было приятно, прохладно и сухо. И явственно чувствовалось приближение осени. Я шла медленно, глядя на деревья с уже начавшей менять цвет листвой, на проезжающие машины, на шедших навстречу людей. С нами поравнялась девушка, обогнула нас и быстро пошла вперед. Ириска, которая в этот момент рассказывала мне о каком-то клиенте на работе, мгновенно замолчала и вцепилась в мой локоть. Девушка была высокой и довольно полной. И одета уж очень специфично. Короткий приталенный кожаный пиджак, немыслимо короткие черные шорты, белые колготки, туфли на высоких шпильках. Белые волосы были распущены и падали до лопаток. Девушка шла, виляя бедрами. Ириска даже шаг ускорила, но я придержала ее за руку.

– Куда рванула? – засмеялась я.

– Надо же в таком виде по улицам разгуливать! – возмутилась она. – А тут ведь не Ленинградское шоссе!

– Тебе-то что за дело? – резонно заметила я.

Мы в этот момент шли по переулку, ведущему к монастырю. Из-за угла вывернул батюшка. И девушка направилась к нему. Ириска тут же притормозила, глядя на них во все глаза. Картинка действительно была замечательная. Высокий полный батюшка в черной рясе с большим крестом на груди, с холеным румяным лицом, на котором выделялись красные влажные губы, с аккуратно подстриженной черной бородой и усами – и припавшая к его руке девушка, казавшаяся голой в этих коротких шортах, белых колготках и распахнутом пиджачке, под которым виднелся очень открытый красный топик. Девушка что-то сказала и выпрямилась, глядя на батюшку с умоляющим выражением. Он улыбнулся и перекрестил ее.

– Девка какая наглая! – зашептала Ириска. – В таком развратном виде лезет, но и поп хорош! Такая холь в результате постов не приобретается! Губы прямо как у вампира!

– Кто о чем! – усмехнулась я. – А ты посмотри на эту картинку с другой стороны: грех и раскаяние. И очень наглядно, учитывая, что фоном служит улица современного города. Эти спешащие люди, проезжающие машины, никому ни до кого нет дела, в огромном муравейнике все заняты только собой. И словно вставка – батюшка и падшая. И главное, оба в черно-белых тонах. Красиво и многозначительно.

Ириска глянула на меня искоса и заметила, что все писатели чокнутые и видят что-то свое.

– Слушай, – вдруг встрепелась она, – может, к гадалке завтра съездим? У одной моей клиентки есть очень хорошая провидица. Интересно, что она предскажет.

Я удивилась странному ходу ее мыслей, засмеялась, но тут же замолчала, так как батюшка, закончив разговаривать с девушкой, быстро двинулся в нашу сторону. Когда он поравнялся с нами, я вежливо обратилась к нему:

– Добрый день! А можно вам задать вопрос?

Батюшка остановился и хмуро глянул на нас. Услышав, как возмущенно засопела Ириска, я с трудом сдержала улыбку. В его глазах ясно читалось нежелание общаться, к тому

же он, по-видимому, спешил. Но все-таки сделал соответствующее выражение лица и склонил к нам голову.

– Я вас слушаю, сударыни, – пророкотал он низким поставленным голосом.

– Вот моя подруга интересуется, – продолжила я, – гадалками, предсказателями и тому подобной...

Я чуть не добавила «хренью», но вовремя прикусила язык.

– Вы православные? – спросил батюшка, но без особого интереса.

Мы молча кивнули.

– У Христовых овец есть крест и покаяние. Об энергиях, судьбе, сущностях, будущем земном благополучии и прочей чепухе думают заблудшие Христа и не желающие знать его. Христовы ученики несут крест и думают о любви, – важно проговорил он.

Ириска перестала сопеть. Батюшка замолчал и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Но ведь можно узнать свою судьбу заранее! – заявила Ириска. – Чтобы не делать каких-то ошибок.

Батюшка улыбнулся в усы и сложил руки на животе.

– У кого вы хотите это узнать? – поинтересовался он довольно ехидно.

– Ну есть же гадалки, – не унималась Ириска.

– Будущее – это не промысел Божий, это просто некое стечение обстоятельств, – продолжил он ласковым голосом. – А промысел – это живое сотворчество Бога и человека, это ощущение послушания воле Бога. В любви и смирении открывается промысел человеку. А если человек независимо получает некую информацию о будущем – то это гипотеза и не более, которая ничего не дает человеку. И все волхвы, то бишь колдуны, маги – от бесов. Благослови вас, господи!

Батюшка быстро перекрестил воздух перед нами и ушел.

– Съела? – засмеялась я.

– Ну, не знаю, – с сомнением протянула Ириска. – Любую газету открой, сплошняком объявления гадалок, экстрасенсов, колдунов, знахарей.

– И что?

– Но ведь среди них наверняка есть настоящие, – не унималась она. – Вот поедем к одной гадалке, я тебе начала говорить, но ты мне не дала и привязалась к батюшке, это проверенная особа, видит всех насквозь. Мне верные люди говорили и рекомендовали. Неужели не хочешь узнать, что дальше будет?

Ириска остановилась и заглянула мне в глаза. Ее зрачки были расширены.

– Представь себе, не хочу! – улыбнулась я. – К тому же все это обман!

– А я хочу! – заявила Ириска. – Может, тогда мне компанию составишь? – вкрадчиво поинтересовалась она. – А то одной как-то боязно!

– Сейчас, что ли, намылилась? – рассмеялась я.

– Завтра, – ответила она и взяла меня под руку. – Ты же свободна? Ты, кстати, Гере позвонила? – совсем некстати поинтересовалась она.

– А что, должна была?

– Ну ведь он тебе дал визитку! – ответила Ириска.

– Но у меня пока нет вопросов к агенту недвижимости, – рассмеялась я.

Мы в этот момент подошли ко входу в Даниловский монастырь. Ворота были открыты. Ириска замедлила шаг и вытянула шею, заглядывая внутрь.

– Давно я в церкви не была, – пробормотала она.

Потом повернулась ко мне с немой мольбой в глазах.

– Ты иди, а я тут погуляю. Настроения что-то нет идти в храм, – сказала я.

Ириска кивнула и направилась к воротам. Минут через двадцать она появилась, прижимая к груди небольшую пластиковую бутылку. Ее лицо сияло.

– Вот, живой водой разжилась, – радостно сообщила она.

– Какой? – изумилась я.

– В смысле святой, – поправилась Ириска и отвинтила крышку.

Сделав внушительный глоток, протянула мне. Но я отрицательно покачала головой.

– Понимаешь, – быстро заговорила она, – завтра же к гадалке, ведьме или бог знает кому, так что подстраховаться не мешает. Водичку с собой возьму.

– Ириска, с тобой можно с ума сойти, – сказала я.

На следующий день мы все-таки отправились к гадалке. Когда я узнала, что придется ехать за МКАД, то моему возмущению не было предела. Гадалка жила на окраине подмосковного Чехова.

– И чего ты кипятишься? – хладнокровно говорила Ириска, когда мы подошли к автобусной остановке возле метро «Южная». – Тут езды каких-то минут сорок. Проветришься, а то совсем дома засиделась!

– С тобой засидишься, – пробурчала я, забираясь в подошедший автобус.

Обитель гадалки мы нашли довольно быстро. На вид это был обычный деревянный домишко с удобствами во дворе. Аккуратный палисадник пестрел множеством цветов. Ириска шумно вздохнула и замедлила шаг, с подозрением изучая дом. В этот момент калитка распахнулась, и нам навстречу двинулась молодая бледная женщина в длинной юбке и просторной голубой кофте. Ее волосы были по-деревенски повязаны ситцевым белым платком. За ней бежала серая лохматая дворняга.

– Трезор! Домой! – услышали мы.

Из калитки вышла сухощавая пожилая женщина и цепко на нас глянула. Трезор метнулся к ее ногам, прижался и тоже посмотрел на нас. Но тут же завилял хвостом и расплылся в дружелюбной улыбке.

– Вы ко мне? – поинтересовалась женщина, а Трезор твякнул и ринулся к Ириске.

Привалившись к ее ногам, он яростно завилял хвостом, заглядывая ей в лицо. Ириска вздохнула, раскрыла сумку и достала сверток с бутербродами. Отдав те, что были с колбасой, она посмотрела на женщину и улыбнулась. Та кивала головой, наблюдая за ней. Потом открыла калитку шире и сказала:

– Проходите, добрые люди, милости прошу!

И мы отправились за ней. Двор выглядел чистым, возле высокого крыльца, ведущего в дом, пестрели аккуратные цветочные клумбы. Мы, по настоянию хозяйки, сняли обувь в небольшом коридорчике и вошли в просторную квадратную комнату. Здесь также царила чистота. Обстановка была самая простая: старая советского образца мебель, голубенькие в синий горошек ситцевые занавески на окнах, огромный фикус с блестящими, словно только что вымытыми листьями, круглый стол, покрытый голубой льняной скатертью, пестрые тканые коврики на полу. Пахло специфически, но приятно. Мне показалось, что это смесь ароматов подсыхающих яблок, полыни и каких-то цветов.

– Вы Арина Игнатьевна? – с опозданием поинтересовалась Ириска. – Мы бы хотели погадать.

– Да, – кивнула женщина. – А вы? – довольно равнодушно спросила она.

Мы назвали наши имена. Арина Игнатьевна не стала выяснять, откуда мы узнали о ней, и пригласила нас пройти в другую комнату.

«Слово «погадать» содержит в себе «гад», – почему-то подумала я. – А если сменить вторую «а» на «и», то получится «погадить».

Я невольно начала улыбаться и тут заметила, что Арина Игнатьевна пристально на меня смотрит.

«Кто его знает! – мелькнула мысль. – А может, она нас действительно насквозь видит?»

Арина Игнатьевна открыла дверь в соседнюю комнату, и мы вошли. Здесь было довольно темно и прохладно. Комната оказалась намного меньше. Окно занавешивала плотная штора тускло-бордового цвета, посередине стоял квадратный небольшой деревянный стол без скатерти и два стула. Низкий шкафчик, две полки, вдоль стен множество пучков сухих трав, в углу какие-то веревки, свисающие с крючка. Арина Игнатьевна открыла шкафчик и достала оплывшую свечу и колоду карт. Она уселась за стол и посмотрела на нас.

– Лучше наедине, – сказала она.

И я, вздохнув с явным облегчением, сделала шаг в сторону двери. Но Ириска крепко ухватила меня за локоть.

– Можно вдвоем? – робко спросила она.

Арина Игнатьевна глянула на нее, усмехнулась и кивнула.

– Стул принесите, – сказала она и зажгла свечу.

Ириска метнулась в соседнюю комнату, а я уселась напротив Арины Игнатьевны и стала наблюдать за ее пальцами, тасующими карты.

– Обычное гадание? – поинтересовалась она.

– Понятия не имею, – ответила я.

Она вскинула на меня глаза. Ее лицо словно разгладилось в тот момент, и это меня заинтересовало. На первый взгляд я дала бы ей за шестьдесят, а сейчас передо мной сидела женщина без возраста. Глаза были яркими, блестящими, светло-зеленого цвета, волосы, зачесанные назад, казались пепельными и без каких-либо проблесков седины, морщины буквально на глазах разгладились, тонкие губы порозовели и улыбались. Арина Игнатьевна будто бы получала удовольствие от чего-то, происходившего внутри нее, и от этого явно помолодела.

«Ведьма, – подумала я, – настоящая».

И вздрогнула. Неприятный холодок побежал по спине.

Ее пальцы продолжали тасовать карты, но она пристально смотрела на меня.

– Хочешь приворот на молодого парня? – тихо спросила она. – Хочешь, чтобы он принадлежал только тебе душой и телом? Но ведь ты сама отпустила его, зачем же возвращать?

Я реально испугалась. Казалось, что Арина Игнатьевна прочитала то, что находилось в моем подсознании, и то, в чем я даже себе самой боялась признаться.

«А ведь она права! – мелькнула мысль. – Я все еще люблю Никиту, все еще хочу, чтобы он был со мной, чтобы любил вечно, как обещал».

В этот момент появилась запыхавшаяся Ириска. Она втащила стул, пододвинула его к столу и уселась.

– Там какой-то мужик вас спрашивает, – сообщила она. – Я сказала, чтобы подождал во дворе, что вы пока заняты.

– Спасибо, распорядилась, – усмехнулась Арина Игнатьевна и встала. – Подождите.

Она вышла из комнаты, а Ириска развернулась ко мне.

– Оля, что-то на тебе лица нет. Она тебе уже гадала, что ли? Я помешала?

– Нет, не гадала, только карты тасовала, – ответила я. – Слушай, Ириска, а она кто вообще? Как ты о ней узнала?

– Я ж тебе говорила! От знакомых узнала. Подруга одной моей клиентки приезжала к нам в центр на компьютерное обследование. Пока мы с ней ждали результаты, она и рассказывала. В общем, эта гадалка творит чудеса. Она не только по картам все видит и практически всю правду говорит, но может и мужа вернуть, от любовницы отвратить и будущее предсказать, да и вообще по любым вопросам. Ее тут все знают.

– И дорого это стоит? – спросила я.

– Так мне сказали, что она денег не берет, да и вообще не всех соглашается принять, – ответила Ириска и округлила глаза. – Я боялась, что она нас с тобой с порога завернет.

В этот момент вернулась Арина Игнатьевна. Она уселась за стол и внимательно посмотрела на Ириску.

– А вы чего хотите? – поинтересовалась она.

– Ну, так... – замялась Ириска и сильно покраснела.

– У вас все хорошо, – улыбнулась ей Арина Игнатьевна. – Я не буду тратить силы. Вам я не нужна. А вот с вашей подругой побеседую.

– Мне выйти? – тихо спросила Ириска.

Но Арина Игнатьевна не ответила. Она отвернулась к шкафчику и достала из него тканый мешочек. Вынув засохший чернослив, она положила посередине стола и медленно говорила:

– Женщина – это вот такая ягода. Ягода вначале созревает, потом наливается соками, потом начинает засыхать. Это естественные процессы, и нужно любить их в себе. Но это внешняя оболочка, и все мы знаем, что внутри всегда есть косточка. И без этой косточки самой ягоды не будет. И когда ягода засыхает, косточка все равно остается практически в том же виде. И все в природе так устроено, все многослойно. Ведь внутри косточки – семечко, которое может прорасти, то есть в нем заложена вся информация не только о самой ягоде, но и о дереве, на котором эта ягода может появиться. И семечко готово прорасти только тогда, когда ягода полностью созрела. Понимаете?

Мы с Ириской сидели неподвижно и смотрели на Арину Игнатьевну. Она улыбнулась, но, видя, что мы молчим, продолжила:

– Семечко внутри чернослива – это ваша душа. Вы, особенно с возрастом, начинаете заботиться о мякоти, окружающей косточку, пытаетесь продлить ее жизнь, сохранить ее упругий молодой внешний вид, проводите какие-то немыслимые процедуры, прибегаете к помощи ножа, натягивая кожу, что-то закачиваете внутрь, ходите по целителям и экстрасенсам. Но забываете о семечке внутри. А ведь все это влияет на него определенным образом. Все взаимосвязано, нет отдельно мякоти ягоды и косточки внутри. И ваша душа отзывается на все. Так заботьтесь в первую очередь о семечке внутри вас. Это такая сила, которая не сравнима ни с какими чудо-кремами, хирургами и косметологами, а тем более лжецелителями. Я сказала все! – неожиданно закончила Арина Игнатьевна и встала.

Мы тоже встали и с недоумением переглянулись.

Когда вышли в коридорчик и я надела туфли, Арина Игнатьевна подошла и тихо, но четко проговорила:

– Отпусти в душе его раз и навсегда. Собери все, что связано с этим парнем, в коробку. Если пока не можешь выбросить, то увези из дома, схорони на даче. Освободи место для нового, а то он уже стучится, да двери заперты.

Ириска, которая стояла у двери, повернулась к нам и наострила уши. Арина Игнатьевна улыбнулась и попрощалась. Мы начали благодарить, Ириска все-таки достала кошелек. Но Арина Игнатьевна мягко отвела ее руку с зажатыми купюрами и открыла двери. Когда мы вышли на крыльцо, то увидели невысокого мужичка с опухшим лицом запойного алкоголика. Он сидел на скамеечке и гладил Трезора. При нашем появлении он сразу встал, зачем-то сдернул кепку и начал мять ее. Арина Игнатьевна пригласила его в дом, а мы направились к калитке, Трезор кинулся за нами. Ириска отдала ему оставшиеся бутерброды.

Обратно мы ехали на попутке.

– И чего она нагородила про чернослив? – начала возмущаться Ириска, когда мы забрались в машину и устроились на заднем сиденье. – Да еще какую-то ягоду засохшую под нос совала?

– Это метафора, – ответила я, улыбаясь.

– Да поняла я все! Не такая тупая. Но разве мы так выглядим? – не унималась она. – Ладно, пусть уже чернослив, но еще свежий и сладкий!

– Конечно! Не волнуйся. Мы вообще в шоколаде!

– Вот именно! – рассмеялась она. – Чернослив в шоколаде!

Ириска вдруг перестала смеяться и посмотрела на меня пылливо. Я, не понимая, заулыбалась, но молчала.

– А чего она там тебе бормотала? – не выдержала она. – Что-то про свободное место.

– Так, ничего особенного, – уклончиво ответила я.

– Скрытничает? – мгновенно обиделась она. – А ведь это я тебя к ней привезла. И мне же сказать не хочешь!

Я посмотрела на ее порозовевшее лицо, на поджатые губы и улыбнулась.

– Арина Игнатьевна посоветовала мне освободить место в своем сердце, а то кто-то уже стучится, да я не пускаю.

– Офигеть! – громко заявила Ириска. – А ведь она права! Сколько можно грустить по этому малолетке Никите!

– Возможно, – прошептала я. – И знаешь, я ведь ничего ей о себе не рассказывала, вот что странно!

Многие предсказатели влияют на ход событий и таким образом изменяют судьбу конкретного человека. Здесь играет роль только внушение, своего рода программирование. Может, кому-то это и нравится, потому что тупиковая ситуация начинает развиваться. Но и сами предсказатели, особенно народные, не могут внятно объяснить, чем они руководствуются.

Сложность в том, что мы привычно делим время на прошлое, настоящее, будущее. С детства у нас линейное восприятие времени, и мы двигаемся из прошлого в будущее. То есть у всех в сознании определенный стереотип: есть шкала времени, а вот эта букашка на ней – я в данный момент времени. Время идет, букашка ползет по шкале, перемещаясь из прошлого в будущее. Но если мы воспринимаем время именно так, то это вовсе не значит, что его нельзя воспринимать иначе. Есть люди, которые проводят эксперименты, к примеру, пытаются растягивать текущий момент осознания. То есть воспринимать не текущий квант времени, а более протяженный участок, для этого надо держать в памяти, как одно целое, события нескольких секунд. Когда человек выучивается этому, у него начинают возникать неувязки со временем. То есть часы начинают то спешить, то отставать, и время плывет. Для нашего нынешнего линейного восприятия времени это кажется невероятным. Но когда разбираешься со всем этим, понимаешь, что время напрямую связано с сознанием. И тот, кто может выйти из текущего восприятия времени и взглянуть на него извне, видит судьбу человека целиком, со всеми событиями прошлого, настоящего и будущего.

Таким образом, будущее видеть можно. Но предсказания судьбы, в подавляющем большинстве случаев, зло. Потому что у человека всегда есть право выбора. Когда прорицатель что-то предсказывает, он делает этот выбор за человека. То есть из огромного пространства вариантов выбирает какой-то конкретный путь и привязывает к нему человека. Но выбор в каждом конкретном случае мы должны делать сами и сами творить свою судьбу. Исходя из видения реального мира, а не его линейной модели становится ясно, что путешествие в прошлое невозможно, но прошлое присутствует в настоящем, как предыдущие стадии развития ситуации, приведшие к данному моменту. Будущее существует не объективно, а лишь в виде прогнозов, причем как только мы начинаем пытаться предотвратить

прогнозируемые последствия, так сразу получаем иное развитие событий, которое иногда пересекается с предыдущими прогнозами, что вызывает ошибочное впечатление неотвратимой судьбы. Предсказатель в данном случае как минимум помогает сделать выбор. И очень часто именно само предсказание меняет события, само при этом становясь событием, причиной.

Но дело в том, что, как правило, к предсказателям, экстрасенсам обращаются только в трудные периоды жизни, когда решают, что сами не могут справиться. И психологическое состояние в этот момент обычно на грани нервного срыва. И значит, человек особо внушаем, он верит в предсказание, сразу попадает в зависимость от него, его судьба катится по указанной колее. Наиболее умные предсказатели предвещают только хорошее, но и это можно считать вмешательством в чужую судьбу.

Но нужно ли вам предсказание? Отцепитесь от внешних событий, какими бы они ни были. Начните думать о возможности чувствовать свою душу. Помните, что открывается вам столько, сколько вы способны вместить. Неустанно работайте над собой. Отслеживайте плохие мысли и старайтесь не допускать плохих поступков. Ведь все в этом мире возвращается.

«Душа есть сущность живая, простая и бестелесная; невидимая, по своей природе, телесными очами; бессмертная, одаренная разумом и умом, не имеющая определенной фигуры; она действует при помощи органического тела и сообщает ему жизнь, возрастание, чувство и силу рождения. Ум принадлежит душе, не как что-либо другое, отличное от нее, но как чистейшая часть ее самой. Что глаз в теле, то и ум в душе».

(преп. Иоанн Дамаскин)

В записную книжку

Предсказание – в любом случае зло.

Человек практически всегда попадает в зависимость от него, его судьба катится по предсказанной колее.

Надейтесь только на себя, неустанно работайте над собой.

Отслеживайте плохие мысли и старайтесь не допускать плохих поступков, ведь все в этом мире возвращается.

Вечером этого дня я действительно собрала все, что напоминало мне о Никите, в большую коробку. Я перебирала все эти вещички и не могла сдерживать слез. Открытки, которые он дарил мне, перечитывала снова и снова, кованую розу, сделанную им собственноручно, гладила пальцами, диски с его любимой музыкой, которые он обожал покупать и приносить мне, собрала в стопку. Я даже нашла несколько его любимых книг. Сложив все это в коробку, достала из книжного шкафа фотоальбом. Но не стала раскрывать его. Мне к этому моменту было уже настолько больно, что я плакала, не переставая. Опустив альбом в коробку, я плотно закрыла ее и вынесла в коридор. Затем включила компьютер и удалила оттуда все его фотографии и стихи, которые он писал мне.

Молчу. Молчишь и ты. Но говорят
Твои глаза. Мои им отвечают.
Так звезды в небе вечные горят.
Их разговор безмолвный нескончаем...

Ну, вот и снег! А ведь еще недавно
Мы шли с тобой по шороху листвы.
Сейчас летят снежинки сверху плавно...
Иду я рядом, думая о главном —
Тепло руки твоей, снег, вечер, мы...

Слезы застилали глаза, когда я читала эти строки. Но потом все-таки решилась и кликнула на Delete. Когда выскочила надпись: «Вы действительно хотите удалить файл?» – я на секунду замешкалась, но потом подтвердила. Файл исчез, я почувствовала облегчение. И чтобы отрезать все пути назад, очистила и «корзину». Выключив компьютер, я пошла на кухню. Налив остывший чай, села к столу и замерла. Душа болела, но я упорно твердила себе, что все кончено, что отныне я свободна, что передо мной открываются новые возможности.

В этот момент зазвонил телефон. Я отчего-то вспомнила о Гере, хотя у него моего номера не было. Это была Злата.

– Оль, – быстро проговорила она, – завтра вечер свободен?

– Да, а что? – вяло поинтересовалась я.

– Приглашаю тебя в театр, – немного торжественно произнесла Злата.

И я улыбнулась. Злата постоянно возмущалась, что мы редко стали куда-то выбираться вместе, что сидим по квартирам и мало общаемся.

– Вдвоем отправимся? – продолжая улыбаться, уточнила я. – А Ириска?

– Она не может, я ей уже звонила, – сказала Злата, – какие-то срочные семейные дела. Но с нами Костик будет, если ты не возражаешь. Он и билеты купит. Мы идем в театр оперетты.

– Оперетты? – уточнила я и засмеялась.

– Да! «Моя прекрасная леди». Я давно хотела.

Мы договорились, где и во сколько встречаемся, поболтали о разных пустяках и распрощались. Пока мы разговаривали, я окончательно пришла в себя. Слезы высохли, внутренне я успокоилась. И почему-то вспомнила Марику.

«Что-то она мне не звонит, – подумала я, набирая ее номер. – Надеюсь, с ней все в порядке».

Марика ответила сразу.

– Оля! Приветик! Как хорошо, что ты позвонила! Я сама хотела, но что-то стесняюсь тебя беспокоить. Вот решила, что дождусь, когда ты первая позвонишь! – тараторила она.

– Извини, раньше не получилось. Мы тут к гадалке ездили, – зачем-то сообщила я.

– К настоящей? – после паузы спросила Марика. – И как? Что она нагадала? Можешь рассказать?

– Да она и не предсказывала ничего, но мне посоветовала забыть о прежней любви и освободить место для новой.

«И зачем я все докладываю этому ребенку?» – с запоздалым сожалением подумала я и замолчала.

– А что, разве бывает старая любовь, новая? – после длительной паузы сказала Марика. – Мне кажется, что любовь, она всегда одна. Я вот люблю Кирилла. И разве смогу полюбить кого-то еще? Это на всю жизнь!

Я не стала с ней спорить, понимая, что сейчас ей ничего не докажешь, и в принципе не видела в этом смысла. Каждый проходит свой путь любви и делает выводы самостоятельно.

– Как он? – поинтересовалась я.

– Уже намного лучше. Сказал, что через два дня домой выпишут.

– Ну и отлично!

– А я твои обе книги прочитала за эти дни, – сообщила она. – Про гейшу мне больше понравилось. Но про парня тоже здоровски ты придумала. Я даже вначале поверила, что у вас такая любовь получилась. Но ведь ты писатель, так что все неправда, да?

– Правда, – тихо ответила я и почувствовала, как слезы наворачиваются.

– Да ладно! – явно не поверила Марика. – И фото его есть? Вышлешь?

– Сегодня все удалила с компа.

– Жаль, – вздохнула она. – Хотелось бы на него посмотреть.

Я не ответила, стараясь успокоиться. На меня вновь накатило, потому что я ясно увидела лицо Никиты, его глаза и улыбку.

– Оля, а ты завтра чего делать будешь? – нарушила молчание Марика.

– В театр иду, – ответила я.

– Так то вечером, да? – уточнила она. – Может, ко мне в гости приедешь? Охота с тобой повидаться. Ты прикольная. Или просто погуляем. Ты как?

– Возможно, – после паузы сказала я. – Давай завтра созвонимся.

– Оки! – обрадовалась Марика. – Тогда до завтра!

Спала я плохо. Снился Никита, видимо, подсознание не хотело с ним расставаться. И утром я находилась в угнетенном состоянии. Никуда не хотелось идти. Я включила компьютер и попробовала поработать, но ничего не получалось. К тому же за окном стало пасмурно, и скоро начал капать мелкий частый дождь. Около одиннадцати позвонила Марика. Ее голосок показался мне грустным. Она явно находилась в подавленном состоянии.

– Погода плохая, – сказала она. – А я так хотела погулять сегодня с тобой.

– Да, дождик все идет, – ответила я. – А ты чем занимаешься?

– Музыку слушаю и на диване валяюсь, – сообщила она. – Оля, может, все же приедешь? Мать на работе, будет поздно. К Кириллу все равно сегодня не поеду.

– А у тебя подружки есть? – поинтересовалась я.

– Конечно, – вздохнула она. – Но что-то никого видеть не хочу. Надоело слушать всякую чепуху. Вот охота с тобой поговорить. Ты клевая. Приезжай, а?

Я задумалась. Работать совершенно не хотелось, настроение было практически депрессивное, я постоянно возвращалась в мыслях к Никите и даже испытывала желание распаковать коробку, в которую я упрятала наше с ним прошлое.

«Ох, права была гадалка, – думала я, – давно нужно было все это похоронить!»

– Оль, ты мой дрес запиши, – услышала я голос Марики и пришла в себя. – А то ты что-то молчишь долго.

– Дрес? – удивилась я.

– Ну адрес, какая ты непонятливая!

– Хорошо, – ответила я и вздохнула. – Приеду ненадолго. А ты где живешь-то?

– Здоровски! – обрадовалась она. – Возле метро «Новокузнецкая». Записывай. Консьержка там у нас, скажешь, что ко мне. Только меня зовут Марина. А Марика я себя называю в честь Марики.

– Кого? – удивилась я.

– Ну, я те потом объясню. В общем, жду!

Я записала адрес, в душе удивляясь, что Марика живет в престижном Замоскворечье. Когда мы познакомились, она сказала, что живет вдвоем с матерью, что отец их оставил давным-давно, и у меня почему-то сложилось впечатление, что это малообеспеченная семья.

Но когда я подошла к ее дому, то увидела, что это сооружение как минимум XVIII века с колоннами, лепниной, огромными окнами и потолками в пять метров. Я остановилась в недоумении, но потом поняла, что перепутала корпуса, и двинулась в полукруглую арку проходного двора. Пройдя аккуратный небольшой двор, я оказалась возле вполне современного на вид высотного дома. Консьержка действительно была на месте. Она поинтересовалась, к кому я иду, кивнула и сообщила, что ее предупредили. Внутри подъезд выглядел невероятно чистым. Нужная мне квартира находилась на шестом этаже. Когда я вышла из лифта, Марика уже ждала меня возле раскрытой двери. Она улыбалась, хотя видно было, что недавно плакала, так как подводка ее глаз чуточку размазалась. На ней были ярко-розовые брючки и черная футболка, на которой я увидела розовую надпись «Marakesh» внутри контура большого сердца. Я зашла в квартиру и протянула ей торт, который купила по дороге.

– К чаю, – сказала я. – И мне нужно просушить зонтик. Дождь хоть и мелкий, но непрерывный. Пока дошла от метро, он успел намокнуть.

– Давай сюда! – улыбнулась Марика, беря зонт. – Обувь можешь не снимать.

– Но туфли мокрые, – ответила я, чувствуя всевозрастающую неловкость.

Я мельком оглядела холл. Он выглядел как моя гостиная по размерам, но обставлен был с роскошью.

– Ладно, – легко согласилась она. – Тогда вот тебе мои тапочки. Они новые.

Марика поставила торт на столик, зонтик бросила на пол и достала из тумбочки розовые тапочки. Я не удивилась, увидев, что на носках у них чернели сердечки.

– Это мамка мне из Греции недавно привезла, – сообщила она, снимая упаковку. – Как раз в моем стиле. Но великоваты. А тебе должны быть в самый раз.

– Ты все носишь в такой гамме, – заметила я, переобуваясь. – А другие цвета не приемлемы?

– Не-а, – ответила она. – Мне так нравится. Черный цвет – мрак, скорбь, тоска, депрессия. А розовый – взрыв эмоций. Это суть эмо, понимаешь? Такие резкие перепады вполне в стиле. Да и музыка так же построена. Пойдем ко мне?

– Так руки помыть, – начала я.

– У меня и помоешь, – ответила она странной фразой.

Квартира оказалась двухуровневой. Из холла мы попали в огромную квадратную гостиную. Множество ковров, позолоты, красного дерева, живой зелени, картин создавали странное впечатление. Несомненно, гостиная выглядела уютной, но так и казалось, что это декорации какого-то высокобюджетного исторического фильма из жизни французского королевского двора позапрошлого века. Только огромная плазменная панель на стене явно дисгармонировала с обстановкой.

– Тут мамка любит обитать, – сказала Марика, – но я не очень. Я живу наверху.

Марика двинулась в угол, и я заметила винтовую лестницу.

– А чем занимается твоя мать? – спросила я.

– У нее свой салон красоты тут неподалеку, – ответила Марика, поднимаясь по лестнице. – Может, хочешь воспользоваться? Тебе скидки будут, точно!

Я улыбнулась и отказалась.

На втором уровне у Марики оказалась практически отдельная квартира, что меня несколько удивило. Ладно, своя гостиная, кабинет для занятий, спальня, ванная, но вот кухня? Везде был образцовый порядок. Я ожидала увидеть черно-розовую гамму, но в основном обстановка была выдержана в пастельно-кремовых тонах с цветочными мотивами. И только спальня была розовато-белой. Правда, несколько черных подсвечников с розовыми свечами, черная лаковая напольная ваза с искусственной веткой розовой сакуры и черные стеклянные рамы на постерах вносили диссонанс в эту белизну. Я остановилась возле одной из стен и начала внимательно изучать изображения. На всех постерах был один и тот же парень. Где-то он пел на сцене с гитарой в руках, где-то был сфотографирован на улице, а на нескольких, явно рекламных, находился в составе группы. Парень выглядел совсем юным, от силы лет 17. Он был худощав, почти везде в узких джинсах, обтягивающих его стройные прямые ноги, и в женских на вид кофточках. На одном из постеров он стоял на сцене, держа в руках красную гитару. На нем было что-то типа прямого узкого черного платья, открывающего колени, красные трикотажные гольфы и кроссовки. Волосы у парня были русые, с длинной челкой, закрывающей ему пол-лица. Почти везде он был с густо подведенными черной линией глазами. Но его лицо мне понравилось. Общее выражение одухотворенности, полного погружения в музыку, отрешенности вызывало странное притяжение. Хотелось смотреть на этого парня. Картина была полна гармонии. Известное изречение гласит, что в мире нет ничего прекраснее скачущей лошади, танцующей женщины и корабля под парусами, и на них можно смотреть бесконечно. И на его фотографиях именно это полное погружение в свой неповторимый и, несомненно, прекрасный мир, отсутствие работы на зрителя создавало магию притяжения.

– Это Марик, – услышала я и повернула голову.

Марика стояла рядом и тоже не сводила глаз с постеров.

– Не правда ли, он клевый? – спросила она и улыбнулась. – Помнишь, я тебе говорила, что обожаю киевскую группу «Маракеш»? Вот это они и есть.

Она подошла к небольшому стеклянному стеллажу, на котором стояла компактная розовато-серебристая аппаратура и поставила диск. Тут только я обратила внимание на плазменную панель на стене.

– Ты слушай и смотри, а я пока чайник поставлю, – сказала Марика. – А то тортика охота.

– Тебе помочь? – все-таки предложила я.

– Не-а, мамка меня с детства приучила к самостоятельности, я все сама делаю. Она мне всегда твердит, что рассчитывать в этой жизни лучше только на себя и что нянчиться со мной никто не обязан. Я даже и суп могу сварить, и котлеты пожарить. Не то что чай заварить, вот!

Она вышла из комнаты, а я села в кресло, обтянутое белым искусственным и очень мягким мехом, и посмотрела на экран. Там начался ролик, это было, как я поняла, выступ-

ление группы «Маракеш». Но меня удивило плохое качество изображения, было ощущение, что это переснято с экрана монитора. Ребята выступали на улице перед каким-то красно-коричневым зданием с высокими колоннами. Аппаратура стояла прямо на тротуаре, зрители были в основном молодые. Марик отрывался на полную катушку, гитара в его руках находилась в непрерывном движении, как, впрочем, и он сам.

– «Ты знаешь правду обо мне. Ты скажешь точно, где нас нет. И не поделишься ни с кем. Ты исчезаешь. Но зачем? Но зачем?» – пел он довольно высоким и чистым голосом.

Музыка была скорее в стиле хард-рок, что меня порадовало. Мелодия мне необычайно понравилась. На припеве я даже стала вторить ему.

– «Ведь я придумал солнце, и я расставлю звезды, в плену простых движений, такое настроение», – пела я.

– Не «такое», а «плохое» настроение, – услышала я и повернула голову.

Марика вошла в комнату и замерла, глядя на экран. Потом начала пританцовывать, потряхивая волосами и подпевая.

– А почему качество такое плохое? – поинтересовалась я, когда ролик закончился.

– Так это я списала на камеру с моего компа. Есть такой сайт You Tube, там выложены записи. Но скачать оттуда нельзя. Вот я и переписала прямо с экрана все с группой «Маракеш». Они классные, да?

– Мне очень понравилась и музыка, и Марик, – ответила я, не сводя глаз с экрана.

Там в этот момент запустился следующий ролик, и он оказался хорошего качества.

– А это уже нормальное видео с диска «Море эмоций», – пояснила Марика. – Это их хит «Ждать».

Клип был, что называется, малобюджетный, но мне показался стильным. Марик пел, смотря на свое отражение в зеркало так близко, что касался его носом. Это выглядело необычно и красиво.

– «Ты спишь, наверно, мне интересно, с кем? Я знаю правду и не скажу, зачем. В разгаре лета найти и потерять. Нет, мы не сможем смеяться и кричать...» – пел он, глядя неотрывно в свои большие красивые глаза.

Его длинные изящные пальцы опирались о зеркало, лицо выглядело одухотворенным. Он был один на один со своим отражением, словно со своей сущностью. И это завораживало.

Когда ролик закончился, Марика, довольно улыбаясь, посмотрела на меня.

– Вижу, что тебе тоже понравилось, – констатировала она. – Пойдем на кухню? Я уже чай заварила и торт порезала.

Она выключила телевизор, но взяла пульт с собой. Мы прошли гостиную и оказались на кухне. И я засмеялась, услышав, что музыка уже играет там. Подняв голову, я увидела, что на стенах прикреплено несколько квадратных небольших колонок. Марика сделала звук чуть тише, положила пульт на край стола и пригласила меня садиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.